

Жорж Сименон

Мегрэ и господин Шарль

<http://book.zehinli.info>

Мегрэ играл в лучах мартовского, еще немного зябкого солнца. Играл не в кубики, как когда-то в нежном возрасте, а в трубки.

На его письменном столе всегда лежало с полдюжины трубок, и всякий раз перед тем, как набить одну из них, он придирчиво выбирал ту, которая подходила под его настроение.

Плечи у Мегрэ были опущены, взгляд блуждал. Только что комиссар принял решение, чем будет заниматься оставшиеся годы службы. Он ни о чем не жалел, но принятое решение повергло его в некоторую меланхолию.

С самым серьезным видом он машинально раскладывал на бюваре трубки, пытаясь составить из них более или менее правильные геометрические фигуры или нечто, напоминающее по своим контурам какое-нибудь животное.

Справа от него на столе лежала гора утренней почты, а заниматься ею у Мегрэ не было ни малейшего желания.

В уголовной полиции, где Мегрэ появился, когда не было еще девяти, его ждало приглашение от префекта полиции, что само по себе было редкостью, и он отправился на бульвар дю Палэ, теряясь в догадках, что это могло означать.

Префект, радушный и улыбающийся, принял его сразу.

- Не догадываетесь, почему я хотел вас видеть?

- Признаюсь, нет.

- Присаживайтесь. Закуривайте свою трубку.

Префект был молод, ему, выпускнику престижной Высшей школы, едва исполнилось сорок. Он был элегантен, может быть, даже несколько чересчур.

- Вы, конечно, знаете, что начальник уголовной полиции после двенадцати лет службы уходит в будущем месяце в отставку. Вчера мы с министром внутренних дел обсуждали кандидатуру его преемника и сошлись во мнении, что этот пост может быть предложен вам.

Префект, конечно, ожидал, что на лице собеседника не замедлит появиться радостное выражение.

Мегрэ, напротив, помрачнел.

- Это приказ? - почти проворчал он.

- Естественно, нет. Но вы должны отдавать себе отчет, что это серьезное повышение по службе, может быть, самое серьезное, на которое может надеяться сотрудник уголовной полиции...

- Знаю. Тем не менее я предпочел бы остаться во главе отдела. Прошу вас правильно истолковать мой ответ. Вот уже сорок лет, как я занимаюсь оперативной работой. Для меня была бы мука проводить дни напролет лет в кабинете, изучая папки с делами и занимаясь в той или иной степени административными вопросами.

Префект не скрыл своего удивления.

- Вы не думаете, что вам стоило бы не давать ответ сразу, а сообщить мне его через несколько дней? Может быть, стоило бы также посоветоваться с госпожой Мегрэ?

- Она поймет меня.

- Я тоже понимаю вас и не хочу настаивать.

На лице префекта была тем не менее написана известная досада. Он понимал, не понимая. Мегрэ были необходимы контакты с людьми, с которыми он встречался во время следствия, и его не раз упрекали в том, что он не ведет его из собственного кабинета, а активно вмешивается в него, беря на себя работу, обычно поручаемую инспекторам.

Мегрэ, ни о чем не думая, раскладывал трубки. Фигура, которую он сложил последней, по очертаниям напоминала аиста.

В окно било солнце. Префект проводил Мегрэ до двери и дружески пожал ему руку. Мегрэ, однако, не знал, вызовет или не г его поведение недовольство в высоких сферах.

Он медленно раскурил одну из своих трубок и сделал несколько коротких затяжек.

В считанные минуты он только что решил свою будущность, которая совсем скоро должна была превратиться в реальность, потому что через три года его попросят уйти в отставку. Так пусть же, черт возьми, ему позволят употребить эти три года, как он хочет!

Ему не нужно сидеть у себя в кабинете, ему нужно знать, чем живут люди, в каждом новом деле открывать неизвестные миры. Ему нужны быстро, где так часто приходилось коротать время, потягивая перед стойкой пиво или кальвадос - смотря по обстоятельствам.

Ему нужно в собственном кабинете терпеливо вести борьбу с подозреваемым, который упорно молчит, и после многих часов добиваться от него драматического признания.

На сердце у Мегрэ было беспокойно. Он боялся, что после некоторого раздумья его, так или иначе, заставят принять новое назначение. Да предлагай ему даже что-то вроде маршальского жезла, он ни за что этого не захочет!

Мегрэ не отрывал взгляда от трубок, которые время от времени менял местами, как шахматные фигуры.

Услышав осторожный стук в дверь, ведущую из его кабинета в инспекторскую, он вздрогнул. Лапуэнт вошел, не дожидаясь ответа.

- Извините, что мешаю, шеф.

- Ты мне совсем не мешаешь.

Прошло уже почти десять лет, как Лапуэнт поступил в уголовную полицию, и за ним закрепилось прозвище Малыша Лапуэнта. Тогда он был худым и длинным. С тех пор несколько посолднел. Женится. У него появилось двое детей. Но он по-прежнему оставался Малышом Лапуэнтом и - добавляли некоторые - любимчиком Мегрэ.

- Там у меня сидит женщина, которая настаивает, чтобы приняли ее именно вы. Со мной она ни о чем не хочет говорить. Сидит, выпрямившись на стуле, не двигается и полна решимости добиться своего.

Так бывало уже не раз. Из-за газетных публикаций люди настаивали на встрече с ним лично, и часто переубедить их стоило труда. Иные даже являлись прямо на бульвар Ришар-Ленуар, бог знает какими путями раздобыв его домашний адрес.

- Она сказала, как ее зовут?

- Вот ее карточка.

Г-жа Сабен-Левек, бульвар Сен-Жермен, 207-а.

- Она производит странное впечатление, - продолжал Лапуэнт. - У нее неподвижный взгляд и от нервного тика перекашивается правый уголок рта.

Перчаток не сняла, но видно, как у нее то и дело судорожно сжимаются руки.

- Позови ее и останься здесь. Возьми на всякий случай блокнот - может, придется стенографировать.

Мегрэ взглянул на свои трубки и с сожалением вздохнул. Передышка кончилась.

Когда женщина вошла, Мегрэ встал.

- Присаживайтесь, сударыня. Женщина не отрывала взгляда от Мегрэ.

- Вы, действительно, комиссар Мегрэ?

- Да.

- Я думала, вы толще.

На ней было меховое манто и подобранная к нему шапочка - ток. Что это - норка? Мегрэ совершенно не разбирался в мехах, поскольку жена дивизионного комиссара обычно довольствуется кроликом, в лучшем случае - нутрией или ондатрой.

Г-жа Сабен-Левек медленно, словно составляла опись, обводила взглядом кабинет. Когда у края стола пристроился Лапуэнт с карандашом и блокнотом, она спросила:

- Этот молодой человек останется здесь?

- Да, конечно.

- Он будет записывать нашу беседу?

- Таково правило.

Дама нахмурилась, и пальцы ее сжались на сумочке из крокодиловой кожи.

- Я думала, что смогу переговорить с вами с глазу на глаз.

Мегрэ промолчал. Он разглядывал посетительницу: впечатление она производила на него, как и на Лапуэнта, по меньшей мере странное. Взгляд ее становился то тягостно пристальным, то казался отсутствующим.

- Думаю, вы знаете, кто я?

- Я прочел ваше имя на визитной карточке.

- Вы знаете, кто мой муж?

- Вероятно, он носит ту же фамилию, что и вы.

- Это один из лучших парижских нотариусов.

Тик не прекращался, подергивающийся уголок рта все время полз вниз.

Казалось, ей стоило труда сохранять хладнокровие.

- Продолжайте, прошу вас.

- Он исчез.

- В этом случае вам надо обращаться не ко мне. Существует специальная служба, которая занимается пропавшими людьми.

Она иронически, безрадостно усмехнулась и решила не утруждать себя ответом.

Определить возраст посетительницы было трудно. Ей вряд ли было больше сорока, от силы - сорока пяти, но лицо у нее было помятое, с мешками под глазами.

- Вы выпили перед тем, как идти сюда? - неожиданно поинтересовался Мегрэ.

- Вас это интересует?

- Да. На встрече со мной настаивали вы сами, не так ли? Вам следовало подготовиться к вопросам, которые могут показаться вам нескромными.

- Я представляла вас по-другому, более понятливым.

- Именно потому, что я хочу понять, мне необходимо выяснить некоторые вещи.

- Я выпила две рюмки коньяка для храбрости.

- Только две?

Она взглянула на комиссара и промолчала.

- Когда исчез ваш муж?

- Почти месяц назад. Восемнадцатого февраля. Сегодня двадцать первое марта.

- Он сказал, что отправляется в поездку?

- Даже словом мне об этом не обмолвился.

- И вы только сейчас заявляете о его исчезновении?

- Я к ним привыкла.

- К чему?

- К тому, что он отсутствует по несколько дней.

- И так продолжается давно?

- Многие годы. Это началось вскоре после нашей свадьбы, пятнадцать лет назад.

- Он никак не объясняет вам свои отлучки?

- Я не думаю, что он отлучался.

- Не понимаю.

- Он остается в Париже или окрестностях.

- Откуда вам это известно?

- Оттуда, что первое время я посылала следить за ним частного детектива. Затем бросила, потому что каждый раз было одно и то же.

Говорила она с известным трудом и не только потому, что выпила две рюмки коньяка. Да и выпила она вовсе не для храбрости; ее испитое лицо, усилия, которые она прилагала, чтобы держаться в форме, говорили о том, что пьет она часто.

- Я жду от вас подробностей.

- Таков уж мой муж.

- Как это - таков?

- Это мужчина, которого заносит. Он встречает женщину, которая ему нравится, и испытывает потребность пожить с ней несколько дней. До сих пор самая долгая его интрижка, если можно так выразиться, длилась две недели.

- Не собираетесь же вы меня уверять, что он знакомится с ними на улице?

- Почти всегда. Обычно в ночных кабаре.

- Он ходил туда один?

- Всегда.

- Вас с собой не брал?

- Мы давно уже перестали существовать друг для друга.

- Тем не менее вы тревожитесь.

- За него.

- Не за себя?

В ее взгляде промелькнул какой-то вызов.

- Нет.

- Вы его больше не любите?

- Нет.

- А он?

- Тем более.

- Живете вы тем не менее вместе.

- Квартира большая. Ритм жизни у нас разный, и часто встречаться не приходится.

С лица Лапуэнта, продолжавшего стенографировать, не сходило удивление.

- Зачем вы пришли сюда?

- Затем, чтобы вы его нашли.

- Раньше у вас это никогда не вызывало беспокойства?

- Месяц - это долго. Он ничего не взял с собой, даже чемоданчика со сменой белья. Машинами тоже не воспользовался.

- У вас не одна машина?

- Две "Бентли" - им он пользуется чаще всего, и "Фиат", который более или менее предоставлен мне.

- Вы водите машину?

- Когда я куда-нибудь отправляюсь, меня везет Витторио, наш шофер.

- Вы часто выходите из дома?

- Почти каждый вечер.

- Чтобы увидеться с приятельницами?

- У меня нет приятельниц.

Мегрэ редко приходилось встречать столь отчаявшуюся и столь загадочную женщину.

- Вы ходите по магазинам?

- Магазины я ненавижу.

- Отправляетесь на прогулку в Булонский лес или еще куда-нибудь?

- Я хожу в кино.

- Каждый день?

- Почти. Если не очень устала.

Как у всех наркоманов, наступал момент, когда ей надо было подстегнуть себя, и этот момент настал. Было видно, что она много бы дала за рюмку коньяка, но комиссар ничего не мог ей предложить, хотя в шкафу у него и стояла на всякий случай бутылка. Ему стало немного жаль ее.

- Я стараюсь понять, госпожа Сабен.

- Сабен-Левек, - поправила она.

- Как вам будет угодно. Ваш муж всегда исчезал из дому достаточно надолго?

- На месяц - никогда.

- Вы это уже говорили.

- У меня предчувствие.

- Какое предчувствие?

- Я боюсь, не случилось ли с ним чего-нибудь.

- У вас есть причины так думать?

- Нет. Для предчувствия не надо причин.
- Вы говорите, что ваш муж известный нотариус.
- Точнее, известна его контора, а клиентура - из самых отборных в Париже.
- Как же он может позволять себе переодические отлучки?
- В Жераре почти ничего нет от нотариуса. Контору он унаследовал от отца, но хозяйничает там по большей части старший клерк.
- Вы, кажется, утомлены?
- Я всегда утомлена. У меня слабое здоровье.
- А у вашего мужа?
- В свои сорок восемь он ведет себя как молодой мужчина.
- Если я вас правильно понял, узнать что-нибудь о нем можно, наверное, в ночных кабаре.
- Наверное.

Мегрэ задумался. Ему казалось, что вопросы его не достигают цели, а получаемые на них ответы ничего не дают.

В какой-то момент комиссар подумал, что перед ним сумасшедшая или, во всяком случае, неврастеничка. Он достаточно перевидал их у себя в кабинете, и с большинством хлопот было не обобщаться.

Речь посетительницы казалась нормальной, вразумительной, в то же время создавалось впечатление, что она не совсем адекватна реальности.

- Вы думаете, у него было с собой много денег?
- Насколько я знаю, он обычно пользовался чековой книжкой.
- Вы разговаривали об этом со старшим клерком?
- Мы не разговариваем друг с другом.
- Почему?
- Потому что года три назад муж запретил мне входить в контору.
- У него были на это причины?
- Мне об этом неизвестно.
- Отношения у вас со старшим клерком плохие, но знать-то его вы, по крайней мере, должны?
- Лекюрер - так его зовут - всегда смотрел на меня неодобрительно.
- Он уже работал в конторе, когда умер ваш свекор?
- Он поступил туда, когда ему было двадцать два года.
- Может быть, ему больше известно о местопребывании вашего мужа?
- Может быть. Но если его об этом буду спрашивать я, он ничего не скажет.

Ее непрерывный тик начал в конце концов раздражать Мегрэ. Для него становилось все очевиднее, что этот допрос был для его посетительницы сушим наказанием. Тогда зачем она пришла?

- На какой имущественной основе заключен ваш брак?
- На условии раздельного владения имуществом.
- У вас есть личное состояние?
- Нет.
- Муж дает вам все деньги, в которых вы нуждаетесь?
- Да. Деньги для него ничто. Поклясться не могу, но думаю, что он очень богат.

Мегрэ задавал вопросы не в установленном порядке. Он искал во всех направлениях, но до сих пор ничего не нашел.

- Довольно. Вы устали. Оно и понятно. Если позволите, я загляну к вам сегодня после обеда.
- Как хотите.

Она продолжала сидеть, теребя в руках сумочку.

- Что вы обо мне думаете? - спросила она в конце концов. Голос ее звучал глуше, чем раньше.
- Я еще ничего не думаю.
- Вы думаете, я все усложняю, да?
- Не обязательно.
- В лицее одноклассники считали, что я все усложняю, и у меня из-за этого никогда не было подруг.
- Однако вы очень умны.
- Вы находите? - Она улыбнулась, и дрожь пробежала по ее губам. - Это мне не помогло.
- Вы никогда не были счастливы?
- Никогда. Я не знаю, что означает это слово. Она кивнула на Лапуэнта, который по-прежнему сидел за стенограммой:
- Это что, действительно необходимо записывать нашу беседу? Трудно говорить свободно, когда за тобой стенографируют.
- Если вы хотите что-нибудь сообщить мне доверительно, записывать перестанут.
- Теперь мне больше нечего вам сказать. Она поднялась с некоторым усилием. Грудь у нее была впалая, плечи опущены, она слегка сутулилась - Он обязательно должен присутствовать сегодня после обеда?

Мегрэ замешкался с ответом: он хотел дать ей шанс.

- Я приду один.
- В котором часу?
- В наиболее подходящее для вас время.
- Я обычно отдыхаю после обеда. В четыре вам удобно?
- Очень.
- Это на втором этаже. Правая дверь от лестницы. Руку Мегрэ дама не протянула. Неестественно выпрямившись, она двинулась к двери, словно боясь, что может упасть.
- Тем не менее благодарю, что вы меня приняли, - проговорила она, не разжимая губ.
- И, бросив последний взгляд на комиссара, направилась к главной лестнице.

Двое мужчин не отрывали друг от друга взгляда, как будто оттягивали тот момент, когда надо открыть рот и задать вопрос. Разница была в том, что Лапуэнт казался ошеломленным, а комиссара скорее можно было назвать сосредоточенным, правда, глаза у него хитро поблескивали.

Он подошел к окну, распахнул его, набил трубку - выбрал он довольно тяжелую. У Лапуэнта кончилось терпение.

- Что вы об этом думаете, шеф?

Сотрудники Мегрэ редко отваживались задавать ему этот вопрос, так как чаще всего слышали в ответ ставшее привычным ворчание: "Я не думаю".

Вместо этого, в свою очередь, последовал вопрос комиссара:

- Об этой истории с исчезновением мужа?
- Скорее о самой...

Мегрэ раскурил трубку, встал перед окном и вздохнул, не отрывая глаз от залитых солнцем набережных:

- Это необычная женщина.

Продолжения не последовало. Комиссар решил не утруждать себя анализом собственных впечатлений и тем более переводом их в связную речь. Лапуэнт понял, что шеф смущен, и пожалел, что задал необдуманный вопрос.

- Может быть, она сумасшедшая? - тем не менее пролепетал он.

Комиссар, не говоря ни слова, исподлобья взглянул на него. Он постоял еще у окна, потом спросил:

- Позавтракаешь со мной?

- Охотно, шеф. Тем более что жена моя у своей сестры в Сен-Клу.

- Минут этак через пятнадцать. Лапуэнт вышел, комиссар снял телефонную трубку и попросил соединить его с бульваром Ришар-Ленуар.

- Это ты? - спросила его жена, когда он не успел еще открыть рта.

- Я.

- Могу поспорить: ты собираешься сообщить мне, что не придешь завтракать.

- Ты выиграла.

- Пивная "У дофина"?

- Вместе с Лапуэнтом.

- Новое дело?

Прошло уже три недели, как Мегрэ закончил последнее серьезное расследование, и это желание пообедать на площади Дофина указывало в принципе на то, что ему доставляло удовольствие вновь вернуться к оперативной работе. Он как будто показывал кукиш префекту и министру внутренних дел, которым взбрело в голову заточить его в роскошном кабинете.

- Да.

- Я ничего не видела в газетах.

- Газеты еще об этом не заговорили и, может быть, не заговорят.

- Приятного аппетита. Мне тебе нечего предложить, кроме жареной сельди...

Он на секунду задумался, потом, не отрывая взгляда от кресла, на котором сидела посетительница, повесил трубку. Ему казалось, что он видит ее вновь: комок нервов-тик, блестящие глаза.

- Соедините-ка меня с мэтром Демезоном. Мегрэ знал, что в это время застанет адвоката дома.

- Это Мегрэ.

- Как поживаете? Опять какой-нибудь незадачливый убийца нуждается в защите?

- Пока нет. Я только хочу вас кое о чем спросить. Знаете ли вы на бульваре Сен-Жермен нотариуса по имени Сабен-Левек?

- Жерара? Конечно. Мы вместе изучали право - Что вы можете сказать о нем?

- Опять исчез?

- Вы в курсе?

- Все его друзья в курсе. Время от времени он увлекается какой-нибудь красоткой и на ночь или на несколько дней выпадает из жизни. У него ярко выраженная склонность к девицам, которых я называю полупрофессионалками - к стриптизным дивам, например, или наемным танцовкам из кабаре.

- С ним это часто случается?

- Насколько я знаю, раз десять в год...

- Он серьезный нотариус?

- Несмотря на то что на традиционного нотариуса он похож меньше всего на свете, он унаследовал одну из самых блестящих парижских клиентур, почти все Сен-Жерменское предместье. Одеваться он предпочитает в светлые тона, бывает, носит твидовые пиджаки в широкую клетку.

Это очень веселый малый, жизнерадостный, бонвиван, что не мешает ему распоряжаться вверенным имуществом с исключительным чутьем.

Я знаю многих его клиентов и клиенток, которые на него только что не молятся.

- Жену его вы знаете?

Возникло секундное замешательство.

- Да.

- Ну и что?

- Это необычная женщина. Не хотел бы я с ней жить, да и Жерару, вероятно, этого не хочется, так как видится он с ней как можно реже.

- Он с ней появляется где-нибудь?

Аристократический квартал Парижа.

- Не слыхал.

Есть у нее приятели, приятельницы?

- Тоже не знаю.

- Любовники?

- О ней я не слышал никаких сплетен. Большинство считает ее неврастеничкой или психопаткой. Она здорово пьет.

- Я это заметил.

- Я сказал вам все, что знаю.

- Кажется, муж ее исчез месяц назад.

- И никому не дал о себе знать?

- Кажется, нет. Именно поэтому она забеспокоилась и явилась ко мне сегодня утром.

- Почему к вам, а не в бюро по розыску пропавших?

- Я спросил ее об этом же. Она ничего не ответила.

- Обычно, если он пропадает на несколько дней, он перезванивается со своим старшим клерком, забыл, как его зовут. Вы разговаривали с ним?

- Я обязательно встречаюсь с ним после обеда.

Уже через несколько минут Мегрэ открыл дверь инспекторской и кивнул Лапуэнту. Тот довольно неуклюже поспешил к нему - он всегда чувствовал себя неловко в присутствии комиссара: Мегрэ был его богом.

- Обойдемся без пальто, - пробурчал комиссар. - Здесь два шага.

Сегодня утром он надел только демисезонный плащ, который висел на вешалке.

Шаги гулко отдавались на мостовой. Приятно было вновь окунуться в атмосферу пивной "У дофина", в запахи кухни и спиртного. У стойки толпилось мною полицейских, которым Мегрэ приветственно помахал рукой.

Они направились прямо в обеденный зал - он был уютный, с видом на Сену.

Хозяин пожал им руки.

- По рюмочке пастиса за приход весны?

Мегрэ подумал и согласился. Лапуэнт последовал его примеру, и хозяин принес рюмки.

- Новое дело?

- Возможно.

- Заметьте, я ни о чем не спрашиваю. Соблюдение тайны у нас гарантировано, и - ни гугу... Что скажете о говядине с рисом и шампиньонами?

Мегрэ смаковал свой пастис - давненько он его не пробовал. На столе появились кое-какие закуски.

- Я все думаю, разговорится ли она после обеда, когда меня там не будет?

- Я тоже об этом думаю.

Они спокойно пообедали и вынуждены были съесть по миндальному пирожному, приготовленному хозяйкой заведения, которая сама принесла их, предварительно вытерев руки о фартук.

Было почти два часа дня, когда оба полицейских поднялись по главной лестнице уголовной полиции.

- Кабинеты переоборудовали, - пробурчал, задыхаясь, Мегрэ, - а поставить лифт не додумались.

Он прошел в кабинет, зажег трубку и принялся за разборку корреспонденции, продельвая это без особого энтузиазма. По большей части это были служебные бумаги, которые надо было заполнить, и донесения на подпись. Время от времени он поднимал глаза к окну и мысленно уносился за пределы кабинета.

Вот и снова весна. Воздух прозрачен, бледное небо, почки уже набухли.

Через несколько дней проклюнутся нежно-зеленые листочки.

- Когда вернусь, не знаю, - крикнул он в дверь инспекторской.

На бульвар Сен-Жермен Мегрэ решил отправиться пешком, но пожалел об этом, потому что путь до дома 207-а показался ему неблизким и комиссару не раз пришлось утирать пот со лба.

Большой каменный особняк с потемневшими от времени стенами ничем не отличался от большинства домов на бульваре. Мегрэ толкнул отменно натертую воском дубовую дверь и оказался под сводами коридора, в конце которого виднелся мощный плитам двор и старинные конюшни, переделанные под гаражи.

Золоченый герб нотариуса находился у левой двери, а медная табличка гласила:

Мэтр Ж. Сабен-Левек нотариус.

Справа, из двери, находящейся напротив нотариальной конторы, через стекло привратничкой смотрел на него мужчина.

Утренняя посетительница сказала Мегрэ, что квартира находится на втором этаже. На другой медной табличке с этой стороны значилось:

Профессор Артюр Роллен, педиатр, 4-й этаж. Только по записи.

Это был, наверное, дорогой врач. Лифт был просторный. Мегрэ, которому предстояло подняться всего на один этаж, предпочел воспользоваться приветливой лестницей со ступенями, покрытыми пушистой дорожкой.

На втором этаже он позвонил. Дверь почти тотчас отворилась, юная и приветливая горничная взяла у Мегрэ шляпу.

- Входите, пожалуйста. Мадам ждет вас.

Мегрэ оказался в холле, стены которого были обшиты деревянными панелями, как и в большой гостиной, куда его провели - здесь были развешены портреты высокопоставленных особ со времен Империи приблизительно до 1900 года.

Мегрэ остался стоять. Мебель была тяжелая, по большей части стиля Луи Филипп, и если обстановка внушала представление о комфорте и богатстве, то ощущение радости здесь отсутствовало.

- Мадам ждет у себя в будуаре. Я проведу вас.

Они прошли через несколько комнат, обстановку которых Мегрэ не успел рассмотреть, и оказались наконец в будуаре, обитом голубым шелком, где на кушетке полулежала хозяйка дома. На ней был пеньюар более глубокого голубого цвета, чем шелк на стенах, и комиссару была протянута униженная кольцами рука. Комиссар не мог решить, должен ли он поцеловать или пожать руку, и в конце концов просто коснулся ее кончиками пальцев.

- Садитесь, пожалуйста. Прошу извинить, что принимаю вас в таком виде, но я не очень хорошо себя чувствую и думаю, что после нашей беседы снова должна буду лечь.

- Постараюсь не задерживать вас долго.

- Что вы обо мне думаете?

- Я уже говорил вам утром, что вы очень умны.

- Вы ошибаетесь. Я просто следую своему чувству.

- Позвольте прежде всего задать вам один вопрос. Перед тем как заявить мне об исчезновении мужа, вы спрашивали у старшего клерка, нет ли у него каких-нибудь известий?

- За этот месяц я много раз звонила ему. Квартира соединена с конторой специальным телефоном. Надо вам сказать, что дом, который принадлежал моему свекру, стал собственностью мужа.

- Господин Лекюер... Его, кажется, так зовут?.. У господина Лекюера также не было никаких известий?

- Никаких.

- Раньше они у него бывали?

- Я его об этом не спрашивала. Кажется, я говорила вам, что у нас плохие отношения.

Она замолчала в нерешительности.

- Могу ли я предложить вам рюмку коньяка или вы предпочитаете что-нибудь другое?

- Нет. Благодарю.

- Ну, а я выпью коньяка. Видите, мне не стыдно пить в вашем присутствии. Впрочем, вам все скажут, что я алкоголичка, и это правда.

Может быть, вам также скажут, что я психопатка.

Она нажала на кнопку звонка, и через несколько секунд появился дворецкий.

- Оноре, принесите мне коньяк и рюмку.

- Одну, сударыня?

- Да, одну. Комиссар Мегрэ не испытывает потребности выпить.

В ее новой манере держаться было что-то агрессивное. Она бросала комиссару вызов, и ее страдальческий рот с трудом растянулся в улыбке.

- У вас с мужем общая спальня?

- Она была общей три месяца без нескольких дней сразу после нашей свадьбы. С этой стороны большой гостиной, вы - на моей половине. С другой стороны - владения мужа.

- Едите вы обычно вместе?

- Вы меня уже об этом спрашивали. Бывает и так, но ритм нашей жизни не совпадает, и вкусы у нас разные.

- Что вы делаете на отдыхе?

- Мы... Простите, Жерар унаследовал большую виллу под Канном. Мы ездим туда. Жерар недавно купил моторную яхту, и я вижу его там еще реже, чем в Париже...

- Враги у него были, вы не знаете?

- Никого, насколько я знаю. Одна я.

- Вы его ненавидите?

- Даже не ненавижу. И неприязни к нему тоже не питаю. Такой уж у него характер.

- Вы являетесь его наследницей?

- Да, единственной.

- Состояние значительно?

- Оно могло бы соблазнить многих женщин в моем положении. Но дело в том, что деньги меня не интересуют, и я была бы более счастлива в комнатухе на седьмом этаже...

- Почему вы не потребуете развода?

- По лени. Или из безразличия. Наступает такой момент, когда больше ничего не хочется, когда каждый день производишь одни и те же движения, не думая об этом.

Дрожащей рукой она схватилась за рюмку.

- Ваше здоровье. И залпом осушила ее.

- Видите? Наверное, должна была бы покраснеть.

- Так вам говорил муж?

- Когда я начала пить, да. С тех пор прошли годы.

- А теперь?

- Ему все равно.

- Что бы вы почувствовали, узнав о смерти мужа? Что избавились от него?

- Даже не это. Он так мало значит для меня!

- Вы думаете, с ним могло произойти несчастье?

- Я думала об этом и поэтому пришла к вам.

- Что с ним могло случиться?

- Он обычно находит себе... скажем так, подружек в кабаре, где бывают разные люди.

- Вы знаете какие-нибудь из этих кабаре?

- Два, три - по названию. Я находила рекламные спички с этими названиями.

- Какими же?

- "У Кота в сапогах"... "У прекрасной Елены"... Еще "Крик-крак".

- Вам никогда не хотелось удостовериться самой?

- Я не любопытна.

- Это я вижу.

Она налила себе сама: губы ее снова дрожали, взгляд стал тусклым, отсутствующим. Мегрэ показалось, что она только сейчас обнаружила его присутствие и не понимает, что он тут делает.

- В общем, вы подозреваете убийство?

- А вы?

- Почему не болезнь?

- У него железное здоровье.

- Несчастный случай.

- Я узнала бы это из газет.

- Вы звонили в больницы?

- Вчера.

Значит, несмотря на производимое впечатление, она отдавала себе отчет в происходящем. На каминной доске из белого мрамора стояла фотография в серебряной рамке. Мегрэ встал и рассмотрел ее поближе. На ней была снята г-жа Сабен-Левек, наверняка в пору ее девичества: юная девушка в заученной позе. В ту пору она была очень хорошенькой, в лице ее было что-то мальчишеское.

- Да, я была такой... Изменилась, правда?

- Эта фотография была сделана до или после вашего замужества?

- Через несколько недель после него. Жерар настоял, чтобы я сфотографировалась у известного фотографа на бульваре Осман.

- Значит, он был влюблен в вас?

- Не знаю. Казалось, что да.

- Все сломалось неожиданно?

- Нет. В первый раз он исчез на сутки, и я ничего ему не сказала. Он наврал, что ездил к клиенту в провинцию. Затем он начал исчезать, когда ему заблагорассудится. Он больше не предупреждал меня. Уходил после обеда, и я никогда не знала, когда он вернется.

- Каков он в семейной жизни?

- Вам все скажут, что он был очень веселым малым, который ладил со всеми и всегда был готов оказать услугу. Иные считали, что он немного ребячлив.

- А вы?

- Мне не на что жаловаться. Видимо, я не нашла к нему подхода или он ошибся на мой счет.

- То есть?

- Решил, что я не такая, какая есть.

- Чем вы занимались до встречи с ним?

- Была секретаршей у одного адвоката. Мэтр Бернар д'Аржан с улицы Риволи. Они были знакомы. Жерар много раз приходил в контору к моему патрону и однажды предложил мне пойти с ним куда-нибудь...

- Вы родились в Париже?

- Нет. В Кемпере.

- Почему вы думаете, что его убили?

- Потому что это - единственное объяснение.

- Ваша мать еще жива?

- Да. Отец - его звали Луи Фрасье - умер. Он был бухгалтером. Мать - урожденная княгиня Учевка...

- Вы посылаете ей деньги?

- Естественно. Деньги никогда для Жерара ничего не значили. Он давал мне столько, сколько мне было необходимо, не требуя отчета.

Она допила рюмку и поднесла к губам платок.

- Вы разрешите мне осмотреть квартиру?

- Я вас проведу.

Она поднялась с кушетки и, осторожно ступая, направилась к двери.

Всюду чувствовалось богатство, положение в свете, завоеванное еще в прошлом веке, строгость. Квартира занимала весь этаж, и г-жа Сабен-Левек, которая все еще неуверенно держалась на ногах, начала с осмотра своей половины.

За будуаром оказалась еще одна очень большая комната, стены которой также были затянуты голубым шелком. Судя по всему, это был любимый цвет хозяйки. Постель была не застелена, но г-жа Сабен-Левек не испытывала неловкости от того, что могло предстать нескромному взгляду. Белая мебель. Початая бутылка коньяка на комод.

- Как вас зовут? - спросил Мегрэ.

- Натали. Наверняка, чтобы я помнила о своем русском происхождении.

Ванная комната - и стены и пол - была из серо-голубого мрамора, здесь, как и в комнате, царил беспорядок.

Затем шла комната со шкафами по стенам, потом комната, которую можно было бы назвать маленькой гостиной - назначение у нее было такое же, как у будуара.

- Если я не обедаю в столовой, то ем здесь. Она сохраняла безразличие гида, ведущего экскурсию в каком-нибудь музее.

- Теперь мы входим в помещения слуг.

Сначала большая комната с застекленными шкафами, заставленными столовым серебром, потом маленькая белая столовая и, наконец, кухня со старинной плитой и медными кастрюлями. Здесь хозяйничала немолодая женщина.

- Мари Жалон. Она работала тут еще при моем свекре.

- Когда он умер?

- Десять лет назад.

- Значит, вы успели застать его?

- Мы прожили вместе пять лет.

- Вы ладили друг с другом?

- Я была ему совершенно безразлична. В ту пору я обедала в столовой и могла бы сосчитать, сколько раз он заговорил со мной.

- Какие отношения были у него с сыном?

- В девять часов Жерар спускался в контору. У него был там свой кабинет. Не знаю, чем имение он занимался.

- Случалось тогда, что он пропадал?

- Да, на два-три дня.

- Отец ничего ему не говорил?

- Он делал вид, что не замечает этого.

Перед Мегрэ открывался целый мир, обветшалый и замкнутый на самом себе.

Наверное, в прошлом веке или в начале XX здесь устраивались приемы, в гостининых давались балы. Их было две - вторая почти такая же большая, как первая.

Стены повсюду были отделаны потемневшими резными панелями.

Повсюду были также картины отошедшей в прошлое эпохи: портреты мужчин с бакенбардами, в высоких воротниках, жестко подпирающих подбородки.

Казалось, что жизнь на секунду остановила здесь свое течение.

- Теперь мы входим на половину мужа.

Кабинет с уходящими к потолку книгами в переплетах. Скамеечка из орехового дерева, чтобы можно было добраться до верхних полок. Наискосок от окна письменный стол с моделью

подводной лодки и письменными принадлежностями из темной меди. Все в полном порядке. Ничто не говорило о присутствии здесь живого человека.

- Вечера он проводит здесь?

- Если находится дома.

- Я здесь вижу телевизор.

- У меня тоже есть телевизор, но я его никогда не смотрю.

- Вам случалось проводить вечера в этой комнате?

- Первое время после свадьбы.

Ей стоило определенного труда выговаривать слова, она роняла их, как будто они не имели значения. Уголки губ у нее снова опустились, и это придавало лицу страдальческое выражение.

- Его комната.

Мегрэ успел убедиться, что ящики письменного стола были заперты на ключ. Что могло в них храниться?

Во всей квартире были очень высокие потолки, окна, с задернутыми малиновыми бархатными шторами, тоже очень высокие.

Стены комнаты, отделанные панелями, но не деревянными, а из желтой меди. Двухспальная кровать. Кресла со слегка продавленными сиденьями.

- Спали вы здесь?

- Иногда, первые три месяца. Уж не ненависть ли сквозила в ее голосе, в выражении лица?

Осмотр продолжался по-прежнему как в музее.

- Его ванная комната...

Здесь все так и оставалось на своих местах: зубная щетка, бритва, щетка для волос и расческа.

- Он ничего с собой не брал?

- Насколько мне известно, нет. Гардеробная, как на половине Натали, потом гимнастический зал.

- Он им пользовался?

- Редко. Он погрузел: толстым его назвать было нельзя, а вот полноватым...

Она толкнула следующую дверь.

- Библиотека.

Тысячи книг, старых и новых, современных, однако, сравнительно мало.

- Он много читал?

- Я не интересовалась, что он делает вечерами. Эта лестница ведет прямо в контору - мы с вами прошли над вестибюлем. Я вам еще нужна?

- Возможно, мне еще надо будет встретиться с вами. Если это случится, я позвоню.

Ее вновь влекла к себе бутылка коньяка.

- Вы, наверное, спуститесь теперь в нотариальную контору?

- Мне действительно хотелось бы поговорить с господином Лекюерером.

Простите, что побеспокоил вас.

Г-жа Сабен-Левек удалилась: в общем-то выглядела она жалко, но одновременно вызывала раздражение. Мегрэ начал спускаться по лестнице.

Наконец-то он мог раскурить свою трубку - курить ему хотелось еще в квартире.

Он оказался в просторной комнате, где полдюжины машинисток яростно стучали по клавишам и с удивлением подняли на него глаза.

- Я хотел бы видеть господина Лекюрера.

Сотни зеленых папок на стеллажах, как обычно в учреждениях и в большинстве нотариальных контор. Невысокая брюнетка провела его через комнату, где стоял только длинный стол и огромный сейф устаревшей конструкции.

- Сюда, пожалуйста.

Другая комната, где человек неопределенного возраста в полном одиночестве склонился над чем-то. Он безразлично взглянул на Мегрэ, который проследовал в соседнюю комнату, где трудились пятеро служащих.

- У господина Лекюрера никого?

- Кажется.

- Вас не затруднит узнать у него по телефону, может ли он принять комиссара Мегрэ?

Им пришлось немного подождать, стоя перед обитой дверью, прежде чем она распахнулась.

- Входите, пожалуйста. Вы мне не мешаете.

Лекюрер был моложе, чем представлял его себе комиссар, узнав, что он работал еще при покойном старом нотариусе. Ему, наверное, не было еще и пятидесяти. Это был брюнет с маленькими усиками в темно-сером, почти черном костюме.

- Прошу садиться.

Снова резные деревянные панели на стенах. У основателя конторы была неудержимая склонность украшать стены резными панелями темного дерева.

- Думаю, вас побеспокоила госпожа Сабен-Левек? Мебель здесь была из красного дерева в стиле ампир.

- Думаю, что именно вы заменяете своего патрона во время его отлучек?

- Я занимаюсь этим как старший клерк. Однако есть документы, подписывать которые я не имею права, что приводит к определенным затруднениям.

Г-н Лекюрер был человеком спокойным: благовоспитанность, отличавшая его, бывает присуща людям, которым приходится общаться с представителями высшего света. Угодливостью это не назовешь, но в его манере держаться сквозила известная почтительность.

- Он ставил вас в известность в случае подобных исчезновений?

- Нет. Это не сообщалось заранее. Я, конечно, не в курсе его личной жизни. Мне приходилось обходиться собственными предположениями. Он часто выходил вечерами, почти каждый вечер, по правде говоря.

- Минутку. Он активно участвовал в делах конторы?

- Большую часть дня он проводил у себя в кабинете и лично принимал большинство клиентов. Он не производил впечатления занятого человека, и тем не менее дел у него было больше, чем у меня. Особенно в том, что касается управления состояниями, продажей или покупкой замков и владений. Чутье у него было невероятное, и я не мог бы заменить его.

- Его кабинет рядом с вашим? Лекюрер встал открыть дверь.

- Вот он. Обстановка, как видите, того же стиля, но здесь на три кресла больше.

Полный порядок. Ни пылинки. Окна кабинета выходили на бульвар Сен-Жермен, и сюда доносился монотонный шум уличного движения.

Мужчины вернулись на свои места.

- Кажется, обычно эти отлучки не длились больше двух-трех дней...

- В последнее время он исчезал, случалось, и на неделю.

- Ваш патрон держал с вами связь?

- Он почти всегда звонил мне узнать, не случилось ли чего-нибудь требующего его присутствия.

- Вы знаете, откуда он звонил?

- Нет.

- И вам неизвестно, было ли у него в городе какое-нибудь пристанище?

- Я думал о такой возможности. Он не носил с собой много денег и почти все оплачивал чеками. Прежде чем попасть в бухгалтерию, корешки чеков проходили через мои руки. - Г-н Лекюерер нахмурился и замолчал. - Не знаю, вправе ли я касаться подобного рода вопросов. Я приучен к святости профессиональной тайны.

- Но не в том случае, если произошло, например, убийство.

- Вы серьезно об этом думаете?

- Кажется, об этом думает его жена. Г-н Лекюерер пожал плечами, давая понять, что мысли г-жи Сабен-Левек не имеют особого значения.

- Признаюсь, я тоже думал об этом. Впервые его отсутствие длится так долго и он не звонит мне. Неделю назад у него должна была состояться здесь встреча с одним из самых наших влиятельных клиентов, одним из самых крупных, если не самым крупным землевладельцем Франции.

Он знал о ней. Несмотря на свою рассеянную манеру держаться и легкомысленный вид, он никогда ничего не забывал и в делах профессиональных был скорее въедлив.

- Что вы предприняли?

- Я перенес встречу на более поздний срок, сославшись на то, что патрон находится в отъезде.

- Почему, несмотря на свои подозрения, вы не обратились в полицию?

- Это должна была сделать его жена, а не я.

- Она, судя по всему, никогда не появляется в конторе?

- Совершенно верно. Было время, она приходила сюда раз-другой, но не задерживалась.

- Ее встречали не слишком радушно?

- Здесь не были готовы к этому. Даже ее собственный муж.

- Почему?

Он снова умолк, придя в еще большее замешательство, чем прошлый раз.

- Простите, господин комиссар, но вы ставите меня в затруднительное положение. Меня не касаются взаимоотношения моего патрона с его женой.

- Даже если было совершено убийство?

- Это, естественно, все изменило бы. Мы здесь обожаем господина Жерара. Я зову его так, поскольку знал его еще тогда, когда он только закончил университет. Его ценит весь персонал. Никто не позволяет себе обсуждать его личную жизнь.

- Насколько я понимаю, это не распространяется на его жену.

- Она вроде как чужеродный элемент в семье. Я не утверждаю, что она психопатка. Но это как нарывающая заноза.

- Потому что пьет?

- И поэтому тоже.

- Ваш патрон был с ней несчастлив?

- Он никогда не жаловался. Он мало-помалу стал вести свою собственную жизнь.

- Вы только что говорили о корешках чеков, которые проходят через ваши руки. Думаю, что он выписывал их на имя женщин, с которыми проводил большее или меньшее количество дней.

- Я тоже так думаю, но доказательств у меня нет.

Эти чеки выписывались на предъявителя, а не на какое-нибудь конкретное лицо. Чеки были и на пять тысяч франков, и на двадцать...

- Сумма каждый месяц была одной и той же?

- Нет. Именно потому я и думаю, что пристанища у него не было.

Теперь они молча смотрели друг на друга. В конце концов старший клерк вздохнул:

- Кое-кто из персонала видел, как он входил в ночные кабаре. Почти всегда в этих случаях он исчезал - ненадолго или надолго.

- Вы ведь думаете, что с ним случилось несчастье?

- Боюсь, что да. А вы, господин комиссар?

- По тому немногому, что я пока знаю, - тоже... Случалось ли, что ему в контору звонили женщины? Наверное все переговоры идут через коммутатор?

- Я, конечно, разговаривал с телефонисткой. Нет и намека на звонки подобного рода.

- Следовательно, можно предположить, что во время своих исчезновений он пользовался вымышленным именем.

- Есть одна деталь, которую я должен, наверное, сообщить вам.

Волноваться я начал еще недели две назад. Я позвонил госпоже Сабен-Левек, чтобы сказать ей об этом, и посоветовал связаться с полицией.

- Что она ответила?

- Что еще нечего волноваться и она сделает это, когда сочтет нужным.

- Она не попросила вас подняться и не спустилась сама, чтобы поговорить с вами?

- Нет.

- Пока у меня нет больше к вам вопросов. Если что-нибудь появится, не сочтите за труд позвонить в уголовную полицию. Давайте тем не менее уточним. Слуги со второго этажа разделяют чувства служащих конторы к госпоже Сабен-Левек?

- Да. Особенно кухарка. Мари Жалон работает в доме уже сорок лет, она знала господина Жерара еще ребенком и буквально ненавидит ее.

- А остальные?

- Терпят ее присутствие, не больше. Кроме горничной Клер Марель: она предана хозяйке и раздевает ее перед тем, как уложить в постель, когда та валяется на полу.

- Благодарю вас.

- Вы собираетесь начать следствие?

- Козырей у меня для этого маловато. Буду держать вас в курсе дела.

Мегрэ вышел из конторы и около станции метро Сольферино решил заглянуть в кафе. Коньяк он заказывать не стал - комиссар возненавидел его надолго, а ограничился большой кружкой очень холодного пива.

- Есть у вас телефонные жетоны?

Он прикрыл за собой дверь кабины и принялся искать номер телефона мэтра Бернара д'Аржана, у которого, по словам Натали, она работала до замужества. В телефонной книге его не значилось.

Мегрэ допил свое пиво и, остановив такси, назвал шоферу адрес на у яйце Риволи.

- Подождите меня. Я недолго.

Мегрэ зашел в привратницкую, которая была похожа на небольшую гостиную. Привратником оказался седовласый мужчина.

- Будьте добры, мэтр д'Аржан?..

- Он уж лет десять, как умер.
- Вы уже работали здесь тогда?
- Я тут уже тридцать лет.
- Кто занял его контору?
- Это больше не адвокатская контора, а бюро архитектора господина Мажа.
- Из старого персонала там кто-нибудь остался?
- У мэтра д'Аржана была только старенькая секретарша, она ушла на пенсию и вернулась в родные места.

- Вы не знали такую мадемуазель Фрасье?
- Хорошенькая брюнетка, она была все время чем-то возбуждена? Она работала у мэтра д'Аржана лет двадцать тому назад. Работа ей не нравилась, и она пробыла в конторе не больше года. Не знаю, что с ней случилось.

Хмурясь, Мегрэ снова уселся в такси. Разумеется, следствие только начиналось, но начиналось оно не лучшим образом: зацепиться было не за что. Кроме того, надо было соблюдать тайну, так как нотариус мог прекрасным образом объявиться не сегодня завтра.

Солнце скрылось за домами. Похолодало, и Мегрэ пожалел, что оставил демисезонный плащ в кабинете.

Он остановил такси на углу набережной Орфевр и бульвара дю Палэ: ему снова захотелось пива.

То и дело он возвращался мыслями к Натали, этой странной г-же Сабен-Левек: интуиция подсказывала комиссару, что знает она намного больше, чем сообщила ему.

Он вернулся к себе в кабинет, к своим трубкам, набил одну из них, подошел к двери в инспекторскую. Лапуэнт печатал на машинке. Жанвье устался в окно. Люкас был занят телефонным разговором.

- Жанвье, Лапуэнт. Зайдите оба ко мне. Жанвье тоже понемногу начинал стареть и обзаводиться брюшком.

- Ты свободен, Жанвье?
- В настоящий момент ничего важного. Я разделался с юным похитителем машин...
- Хватит пороку провести ночь на улице?
- Почему бы и нет?
- Как только сможешь, отправишься на бульвар Сен-Жермен и будешь наблюдать за домом 207-а. Если женщина, описание которой я тебе дам, выйдет оттуда, пойдешь за ней. Тебе стоит иметь в своем распоряжении машину.

Это довольно высокая, очень худая брюнетка с остановившимся взглядом и нервным тиком. Если она выйдет из дому, то наверняка пойдет пешком, хотя у нее есть шофер и две машины. Одна из них "бентли", другая - "фиат".

Скажи Лурти, чтобы он сменил тебя завтра утром, и передай ему инструкцию.

- В чем она будет одета?
- Когда она приходила сюда, на ней было меховое манто, норковое, кажется.
- Хорошо, шеф.

Жанвье вышел, и Мегрэ обернулся к Лапуэнту.

- Что у тебя? Ничего нового? Лапуэнт, покраснев, запинаясь и избегая смотреть Мегрэ в глаза, промямлил:

- Есть кое-что. Телефонный звонок. Несколько минут назад.

- Кто звонил?

- Утренняя посетительница.

- Что ей было нужно?

- Она сначала спросила, здесь ли вы. Я ответил, что нет. Мне показалось, что она совершенно пьяна.

- А с кем я говорю? - продолжала она допытываться.

- С инспектором Лапуэнтотом.

- Это та девица, что записывала сегодня утром все, что я говорила?

- Да.

- Ну что ж, передайте от меня комиссару, что он дерьмо. И вы такое же.

По-прежнему смущаясь, Лапуэнтот добавил:

- Были такие звуки, как будто там дрались. "Оставь ты меня, ради Бога..." У нее, наверное, вырвали трубку, потому что связь прервалась.

Перед тем как выйти из уголовной полиции, Мегрэ сказал Лапуэнтоту:

- Ты не смог бы заехать за мной на машине часов в одиннадцать?

- Завтра утром?

- Сегодня вечером. У меня появилось желание заглянуть кое в какие ночные заведения.

Г-жа Мегрэ оставила мужу сельди, до которых он был охотник, и Мегрэ начал пировать, рассеянно смотря телевизионные новости. По его виду г-жа Мегрэ поняла, что начавшееся дело - не из обычных и не идет у него из головы, словно касается его лично.

Это была правда. В тот день, 21 марта, который был теплым и прозрачным, Мегрэ окунулся в мир, совершенно чуждый ему, самое главное, он столкнулся с особой, принадлежавшей к тому типу женщин, которых он еще не встречал, и особа эта сбивала его с толку.

- Достанешь мне темный костюм, самый лучший.

- Что случилось?

- В одиннадцать за мной заедет Лапуэнтот. Нам с ним надо заглянуть в два-три ночных кабаре.

- Это поможет тебе развеяться?

- Если я смогу там найти ответы на интересующие меня вопросы.

Устроившись в кресле, Мегрэ задремал у телевизора, а в половине одиннадцатого жена подала ему чашку кофе.

- Если ты собираешься долго не спать...

Сначала он раскурил трубку, потом принялся маленькими глотками отхлебывать кофе. По его мнению, трубка и кофе подходили друг к другу.

Он отправился освежиться в ванну, потом переоделся, как будто то, как он выглядит, могло иметь значение. В глубине души для него так ничего и не изменилось с тех времен, когда, отправляясь в оперу, облачались во фрак, а для ночных кабаре надевали смокинг.

Было без пяти одиннадцать. Ему показалось, что он услышал, как подъехала машина. Мегрэ растворил окно и действительно увидел у края тротуара один из небольших черных автомобилей уголовной полиции и силуэт высокого мужчины.

Он поцеловал г-жу Мегрэ и, насупившись, двинулся к двери, но в глубине души был очень доволен, что отказался стать начальником уголовной полиции.

- Не очень-то меня жди.

- Не бойся. Я хочу спать.

На улице было не холодно, и луна восходила над печными трубами. Во многих окнах еще горел свет, а иные были открыты.

- Куда едем, шеф?

Мегрэ извлек из кармана потрепанный конверт, на котором записал адреса, найденные в телефонной книге.

- Знаешь кабаре "У кота в сапогах"?

- Нет.

- Это на улице Колизея.

Они ехали между рядами светящихся витрин в двойном потоке несущихся по Елисейским полям автомобилей. Перед входом в кабаре стоял швейцар, весь в галунах, как какой-нибудь адмирал. Он по-военному отдал им честь и распахнул двустворчатую дверь. Они откинули толстый красный занавес из обивочной ткани и оставили в гардеробе шляпы и пальто.

Пианист что-то подбирал на пианино, гитарист настраивал инструмент, а контрабасиста пока не было.

Зал был красный. Красным было все: стены, потолок, обивка на сиденьях - она была оранжево-красной и, в конечном счете, выглядела скорее весело, чем вызывающе. В баре же, напротив, стены были из белого искусственного мрамора, и бармен вытирал стаканы, которые расставлял позади себя.

Метрдотель с некоторым сомнением двинулся им навстречу. Может быть, он узнал Мегрэ? Или они не производили впечатление серьезных клиентов?

Комиссар отрицательно покачал головой и направился к бару. За разными столиками сидели трое женщин, а какая-то пара, занимавшая один столик, казалось, о чем-то спорила. Было еще слишком рано. Оживленно здесь станет около полуночи.

- Добрый вечер, господа. Что желаете? Седовласый бармен выглядел изысканно. Смотрел он на них с притворным безразличием.

- Пива, наверное, у вас нет.

- Нет, господин Мегрэ.

- Подайте нам, что хотите сами.

- Сухое мартини?

- Идет.

Одна из женщин перешла было на табурет у стойки бара, но седовласый бармен незаметно сделал ей знак, и она вернулась к своему столику.

Наполнив бокалы, он обратился к ним с вопросом:

- Так в чем дело? Мегрэ улыбнулся.

- Действительно, - признался он, - мы пришли сюда не развлекаться. Но мы здесь и не для того, чтобы доставить вам неприятности. Мне нужно кое-что выяснить.

- С удовольствием, если это в моих силах.

Между ними установилось некое сообщничество. Мегрэ было нелегко описать человека, которого он никогда не видел.

- Среднего роста, скорее несколько ниже среднего. Сорок-сорок пять лет. Полноватый и успевший уже обзавестись брюшком. Светлые волосы, румяное лицо. Одевается с большим вкусом, предпочитает бежевые тона.

- Вы его разыскиваете?

- Мне хотелось бы найти его след.

- Он исчез?

- Да.

- Что за преступление он совершил?

- Никакого.

- Это может быть господин Шарль.

- Описание верно?

- Почти что. Очень веселый, да? Всегда в хорошем расположении духа?

- Наверное.

- Вы его не знаете?

- Нет.

- Он время от времени заходит, усаживается в баре, заказывает бутылку шампанского. Потом наблюдает за залом, внимательно осматривает каждую девушку. В конце концов выбор его падает на одну из них, и он направляется к той, которая ему нравится.

- Он долго засиживается?

- Когда как. Бывает, уходит вместе с девушкой... В других случаях только незаметно сует ей пятисот-франковую купюру и уходит. Может быть, идет попытать счастья в другое место.

- Он у вас давно не появлялся?

- Да, довольно давно. Месяца полтора, наверное. А может, и два.

- Если он уводил с собой женщину, не случилось ли ей после этого несколько дней отсутствовать?

- Не говорите так громко. Патрон этого не любит. А он там, между столиков.

С виду его можно было принять за итальянца: в смокинге, с блестящими набриолиненными волосами и тонкими усиками. Он издали наблюдал за ними.

Наверное, в свою очередь, узнал комиссара.

- Девушкам в принципе не разрешено уходить до закрытия.

- Знаю. Но знаю также, что это правило не всегда соблюдается. Есть здесь, среди этих молодых особ, кто-нибудь, кому случалось составить компанию господину Шарлю?

- Мартине, кажется. Если хотите с ней поговорить, вам лучше устроиться за ее столиком. Я пошлю вам бутылку.

Молодая женщина с мягкими волосами, падавшими ей на плечи, с любопытством взглянула на них.

Появились первые посетители: некоторые из них были с женщинами; небольшой оркестрик играл блюз.

- Вы заказали выпить? - спросила она.

- Бармен заказал за нас, - проворчал Мегрэ, думая о том, как нелегко ему будет отчитываться в израсходованных суммах.

- Вы уже у нас бывали?

- Нет.

- Хотите, я позову подружку? Патрон, стоявший рядом со столиком, предупредил ее:

- Поосторожнее, Мартина. Это полицейские.

- Правда? - спросила она Мегрэ.

- Правда.

- Почему вы обратились именно ко мне?

- Потому что вам случалось сопровождать господина Шарля.

- Что в этом плохого?

В поведении ее ничего не изменилось. Она продолжала мило и тихо беседовать, и, казалось, ее занимает это приключение.

- Ничего. Дело в том, что господин Шарль месяц назад исчез. Если быть точным, восемнадцатого февраля. Вы его видели после этого?

- Я как раз удивлялась, что он не появляется, и говорила об этом со своей подругой.

- Что вы о нем думаете?

- Ясно, что зовут его не господин Шарль. Это, наверное, известный человек, который вынужден, когда ему вздумается развлечься, скрывать свое настоящее имя. Он очень следит за собой, очень педантичен. Я говорила, что руки у него, как у женщины, - с таким они были хорошим маникюром.

- Куда он водил вас?

- Я думала, что он поведет меня в гостиницу, но он спросил, не могу ли я отвести его к себе домой. У меня маленькая студия на авеню Великой Армии. Я туда никого не зову. Да я и редко соглашаюсь пойти с клиентом.

Считается, что девушки тут для этого, но это не так.

Подали шампанское, и она подняла свой бокал.

- За господина Шарля, потому что вы здесь из-за него. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

- Нам это неизвестно. Он просто исчез.

- Это жена его заволновалась? Эта полусумасшедшая?

- Он говорил вам о ней?

- Мы провели вместе четыре дня. Он был забавный: во что бы то ни стало хотел мне помочь готовить обед и мыть посуду. Иногда говорил о себе, всегда очень неопределенно. Я вас не спрашиваю, кто он.

- Известный человек, как вы и решили.

- Живет в Париже?

- Да.

- И, наверное, время от времени уходит в загул?

- Совершенно верно. Дня на четыре-пять, на неделю...

- Я позвонила патрону, господину Мазотти, сказать, что я заболела, но он, по всей видимости, не поверил. Когда я снова появилась в "У кота в сапогах", он устроил мне головомойку.

- Когда была та встреча, о которой вы говорите?

- Месяца два назад. Может быть, чуть раньше.

- До этого он никогда не появлялся на улице Колизея?

- Однажды я видела его в баре. Наверное, он не нашел того, что искал, потому что ушел он один...

- В другие кабаре он заходил?

- Он мне про это не говорил, но думаю, что да.

- Машина у него была?

- Нет. Мы отправились ко мне пешком, в обнимку. Он был очень веселый.

- Пил много?

- Это не называется "много". Ровно столько, чтобы чувствовать себя навеселе.

- Он не говорил вам, есть у него пристанище где-нибудь в городе?

- Оно у него было?

- Не знаю.

- Нет. Он хотел пойти ко мне. Эти четыре дня мы прожили как старые любовники. Он смотрел, как я принимаю ванну, одеваюсь. Глядел из окна, когда я шла за покупками, а когда я возвращалась, стол был накрыт.

- Вы не припоминаете ничего больше, что могло бы помочь мне найти его?

- Нет. Я думаю... Мы ходили на прогулку в Булонский лес, но было пасмурно, и мы довольно скоро вернулись. Он был очень...

Она неожиданно замолкла, словно застеснявшись.

- Продолжайте.

- Вы будете смеяться надо мной. Он был очень нежный, оказывал маленькие знаки внимания, как влюбленный. Когда уходил, вложил в руку чек... Вы уже уходите?

У красного занавеса, скрывающего дверь, их поджидал Мазотти, хозяин заведения.

- Нашли, что искали, комиссар?

- Мартина вам расскажет. До свидания.

Личность Сабен-Левека потихоньку начинала вырисовываться, и Мегрэ узнал о нем больше, чем от его жены и старшего клерка.

- Продолжим? - спросил Лапуэнт.

- Поскольку мы уже начали... Улица Кастильоне, "У Прекрасной Елены".

Внешне кабаре выглядело более изысканно. Все здесь было в пастельных тонах, а скрипки наигрывали медленный вальс. И здесь Мегрэ, следом за которым шел Лапуэнт, направился в бар. Комиссар увидел бармена и нахмурился.

- Тебя выпустили? - спросил он.

- Освободили досрочно за примерное поведение... Это был Морис Мокко, неоднократно судимый корсиканский громила.

- Что вам налить, господин комиссар? А вам, молодой человек? Это ваш сын, господин комиссар?

- Один из моих инспекторов.

- Вы, надеюсь, не по мою душу?

- Нет.

- Что вы хотите?

- Две кружки пива.

- К сожалению, пива у нас нет.

- Воды.

- Вы серьезно?

- Да. Вы знаете господина Шарля?

- Которого? Их несколько. Один, ему наверное лет семьдесят, и он совершенно лыс, приезжает раз в неделю по делам из Бордо и пользуется этим, чтобы заглянуть к нам. Другой навевается только время от времени. Не очень высокого роста, очень элегантен, очень обходителен, одет всегда во что-нибудь светлое.

- Немного полноват?

- Можно сказать и так. Да, полноват.

- Появляется, чтобы подцепить девушку?

- Чаще всего уходит один, но однажды он заметил тут одну, Лейлу, ее у нас уже давно нет. Это было прошлым летом. Они беседовали за столиком в углу, вот там. Лейла то и дело отрицательно качала головой, а он настаивал... Когда он ушел, я позвал ее - Что это за тип? - спросила она меня.

- Весьма солидный малый.

- Ему во что бы то ни стало хотелось увести меня с собой в деревню на несколько дней. В какую-нибудь сельскую гостиницу. Безыскусность, свежий воздух. Представляешь?..

- Что он предлагал тебе за это?

- Сначала десять тысяч. Когда увидел, что я упираюсь, увеличил сумму до пятнадцати, потом до двадцати. Видя, что я не соглашаюсь, больше не настаивал. В деревню, поверить трудно! Каких только чокнутых теперь не встретишь!

- Что с этой Лейлой стало?

- Кажется, вышла замуж за инженера из Тулузы. Здесь мы ее больше никогда не видели.

Мегрэ тоже хотелось на простор - в этих кабаке ему не хватало воздуха, от аромата духов его тошнило. Комиссар и Лапуэнт немного прошлись по пустынной улице.

- Этот старый пройдоха Мокко снабдил нас тем не менее ценной информацией. Бывало, что господин Шарль увозил свои находки за город...

- Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать.

- Среди этих дам можно встретить кого угодно. Я был знаком с одной, которая была доктором социологии. У некоторых есть любовники. А эти любовники не всегда заслуживают уважения.

Было два часа ночи. Спать Мегрэ еще не хотелось.

Десятью минутами позже оба выходили из машины на улице Клемана Маро, перед дверями кабаке "Крик-кряк". Грохот поп-музыки был слышен даже на тротуаре. Фасад здания был выкрашен в разные цвета, таким же разноцветным был и зал, где на танцевальном пятатке теснились пары.

И снова бар. Хозяин заведения, некто Зиффер, молодой блондин, подошел к комиссару и инспектору.

- Что желают господа?

Мегрэ сунул ему под нос полицейский значок.

- Простите, господин комиссар, не узнал: здесь так темно...

Бар, который нельзя было назвать просторным, освещался только медленно вращающимся под потолком шаром, составленным из маленьких зеркал.

- Вы знаете господина Шарля?

Блондин Зиффер нахмурился, как человек, который старается что-то припомнить.

На помощь ему пришел бармен, очень толстый мужчина с чрезвычайно густыми бровями.

- Он всегда заходил в бар.

- Когда вы видели его в последний раз?

- Несколько недель назад.

- Вы его видели восемнадцатого февраля?

- Что это был за день, восемнадцатое февраля?

- Вторник.

- Это мне ничего не говорит. Последнее, что я помню, - я видел его в баре с Зоз.

- Она ушла вместе с ним?

- Это запрещено, господин комиссар, - вмешался в разговор хозяин.
- Знаю, знаю... Она ушла с ним?
- Нет. Но он что-то записывал в блокнотике. Наверное, адрес, который ему дала Зоэ.
- Эта Зоэ здесь?
- Сейчас она танцует. Платиновая блондинка с красивой грудью.
- Я вам ее приведу, - засуетился Зиффер. А Мегрэ, утирая пот со лба, сказал бармену:
- Пива у вас, конечно, нет...

Светло-голубые глаза делали Зоэ похожей на наивную и невинную девуцу.

Она хлопала ресницами, с любопытством рассматривая незнакомого ей мужчину, а патрон в это время шептал ей:

- Это знаменитый комиссар Мегрэ, и ты можешь ничего от него не скрывать.
- Я не хотел усложнять себе жизнь отношениями с постоянными любовницами.

Дома, когда Мегрэ стал раздеваться, г-жа Мегрэ, которая была уже в постели, ласково поинтересовалась.

- Хорошо повеселился?
- Кое-что я, кажется, обнаружил. Время покажет, даст это что-нибудь или нет.
- Не очень устал?
- Не очень. Разбуди меня как обычно.

Заснул Мегрэ не сразу, поскольку был немного перевозбужден. В голове у него все еще стоял шум и гомон ночных ресторанов.

Тем не менее в девять утра он уже был у себя в кабинете, и первым, кого он увидел в инспекторской, оказался Жанвье.

- Зайди.

Солнце светило чуть жарче, чем накануне, и так как голова у Мегрэ побаливала, он решил открыть окно.

- Как прошла ночь?
- Спокойно. Был, правда, один странный случай.
- Рассказывай.

- Машину я поставил метрах в пятидесяти от дома. Сидел за рулем, не спуская глаз с двести седьмого "а". В самом начале двенадцатого дверь дома отворилась, и я увидел выходящую женщину.

- Мадам Сабен-Левек?

- Да. Держалась она напряженно, как будто ей стоило усилий идти не шатаясь. Я дал ей немного отойти и завел мотор. Далеко она не ушла.

Метров на двести, не больше. Вошла в кабину телефона-автомата.

Мегрэ сдвинул брови.

- Кинула первую монету, но автомат, кажется, не сработал, потому что она сразу же повесила трубку. Вторую монету автомат тоже съел.

Соединиться она сумела только с третьего раза. Говорила долго, так как ей еще два раза пришлось опускать монеты.

- Странно, что она не позвонила из дома. Решила, наверное, что ее номер прослушивается.
- Наверное. Когда она вышла из кабины, пальто у нее на мгновение распахнулось, и я увидел, что она в ночной рубашке. Она тотчас же вернулась к дому двести семь "а", нажала кнопку звонка,

и дверь почти сразу открылась. Больше до утра ничего не было... Я оставил указания Лурти, а днем его сменит Бонфис.

- Сделай все необходимое, чтобы ее телефон поставили на прослушивание, и как можно скорее. Жанвье уже вышел из кабинета Мегрэ.

- Пусть то же проделают и с телефоном конторы. Потом отправляйся спать.

- Спасибо, шеф.

Мегрэ пробежал глазами ожидавшую его почту, подписал несколько бланков, сходил доложить начальнику, как продвигается дело.

- Вы снова идете туда?

- Да. Думаю, что к себе эти дни буду заглядывать не часто.

Знал ли начальник уголовной полиции, что его место предлагали именно Мегрэ? Он не сделал и намека, но Мегрэ показалось, что тот обращается к нему с большим уважением.

Появившийся Лапуэнт выглядел не блестяще. Он отвез комиссара на бульвар Сен-Жермен.

- Мне с вами подняться?

- Поднимись. Может, надо будет кое-что записать.

- Я взял с собой блокнот.

Мегрэ чуть было не остановился на первом этаже, но раздумал и поднялся на второй. Дверь ему открыла молодая горничная Клер Марель, которая скорчила недовольную мину.

- Если вы хотите видеть мадам, сразу предупреждаю: она спит.

Мегрэ тем не менее вошел в прихожую, Лапуэнт - за ним.

- Присядьте, - сказал комиссар, показывая молодой женщине на стул.

- Мне не разрешено здесь рассиживаться.

- Вам разрешено делать то, что я велю.

В конце концов она уселась на кончик стула, обитого кожей.

Именно за это некоторые и ругали Мегрэ. Чиновнику, занимающему его положение, полагалось вызывать свидетелей к себе в кабинет, а что до ночного посещения кабаре, то туда он должен был бы послать инспектора.

Мегрэ зажег трубку, и Клер Марель строго на него взглянула, как будто он допустил какую-то неловкость.

- В котором часу вернулась ваша хозяйка вчера вечером?

- Чтобы вернуться, нужно сначала выйти.

- Если вам так больше нравится, в котором часу она вышла?

- Я об этом ничего не знаю.

- Вы спали?

- Повторяю вам: она не выходила из дому.

- Уверен, что, учитывая вашу преданность и то состояние, в котором она находится почти каждый вечер, вы сначала укладываете ее в постель, а потом уже идете спать сами.

Горничная была довольна мила, но упрямый вид, который она на себя напускала, не шел ей. Смотрела она на Мегрэ нарочито равнодушно.

- Ну и что из этого?

- Так вот, могу вам сказать, что она вернулась около половины двенадцатого.

- Имеет она право подышать свежим воздухом или нет?

- Вы не начали волноваться, когда увидели, что она собирается выйти?

Ей стоило такого труда держаться прямо.

- Вы ее видели?

- Ее видел один из моих инспекторов. А знаете, почему она вышла в такой час?

- Нет.

- Чтобы позвонить из уличной кабины. Кому она обычно звонила до последнего времени?

- Никому. Своему парикмахеру. Поставщикам.

- Я говорю о разговорах более интимного свойства. Парикмахеру не звонят в одиннадцать вечера, портнихе и сапожнику - тоже.

- Я ничего не знаю.

- Вам ее жалко?

- Да.

- Почему?

- Потому что ее угораздило выйти замуж за такого человека. Она могла бы вести жизнь, на которую имела право, - светскую жизнь: выходить в гости, принимать друзей...

- А муж мешает ей это делать?

- Она его не интересуется. Зато пропадает он из дому иногда на целую неделю, а теперь его нет больше месяца.

- Где, вы думаете, он может быть?

- У какой-нибудь девки. Ему нравятся только девки, которых он подбирает Бог знает где.

- Он предлагал вам переспать?

- Хотела бы я посмотреть, как бы у него это вышло!

- Хорошо. Позовите мне кухарку, а пока я буду с ней говорить, разбудите хозяйку и скажите, что я хочу встретиться с ней минут через десять.

Клер нехотя подчинилась, смерив подмигнувшего Лапуэнтю Мегрэ гневным взглядом.

Кухарка Мари Жалон была довольно толстой квадратной коротышкой; она с любопытством впиалась в комиссара взглядом, словно в восторге, что видит его во плоти и крови.

- Присаживайтесь, мадам. Мне уже известно, что вы в этом доме с давних пор.

- Сорок лет. Я уже была тут, когда отец месье...

- Здесь что-нибудь изменилось с тех пор?

- Все изменилось, мой добрый месье. С тех пор как здесь появилась эта женщина, не знаешь, как и жить. Порядка никакого. Едят когда ей вздумается. Бывает, она целый день не ест, потом посреди ночи слышу шум в кухне и застаю ее роющейся в холодильнике.

- Думаете, ваш хозяин переживает из-за этого?

- Конечно. Только молчит. Я никогда не слышала, чтобы он жаловался, но знаю, что он просто смирился. Я помню его, когда ему не было и десяти и он все время крутился около меня. Еще тогда он был робким.

- Значит, по-вашему, он робкий?

- Еще какой! Если бы вы знали, какие только сцены он ни выдерживал, и руки на нее не поднял.

- Его отсутствие вас беспокоит?

- В первые дни я не беспокоилась. Привыкла. Нужно же ему иногда немного развеяться. Это выражение рассмешило Мегрэ.

- Не могу понять, кто сообщил вам. Если только не месье Лекюер...

- Нет.

- Неужели мадам Сабен-Левек явилась сообщить о своем беспокойстве?

- Да.

- Она? Забеспокоилась? Сразу видно, что вы ее не знаете! Да он может умереть у ее ног, а она и пальцем не пошевелит.

- Думаете, она психопатка?

- Пьяница, это да. Только проглотит с утра кофе и тут же за бутылку.

- Вы не видели больше своего хозяина после восемнадцатого февраля?

- Нет.

- Не получали о нем известий?

- Никаких. Признаюсь, я места себе не нахожу...

Появившаяся в дверях гостиной г-жа Сабен-Левек не двинулась с места.

На ней был тот же домашний туалет, что и накануне, и она не удосужилась даже провести расческой по волосам.

- Вы пришли повидаться со мной или с кухаркой?

- С обеими.

- Я в вашем распоряжении.

Она провела обоих мужчин в знакомый Мегрэ будуар. На серебряном подносе стояла бутылка коньяка и рюмка.

- Думаю, вы мне компанию не составите? Мегрэ отрицательно покачал головой.

- Что вам от меня надо на этот раз?

- Сначала спрошу я. Куда вы ходили вчера вечером?

- Я уже знаю от моей горничной, что вы следили за мной. Это избавляет меня от лжи. Я не очень хорошо себя чувствовала и вышла подышать воздухом. При виде телефона-автомата мне вздумалось позвонить одной своей приятельнице.

- У вас есть приятельницы?

- Вас это удивит, но есть.

- Могу ли я выяснить имя той, кому вы звонили?

- Это вас не касается, а значит, отвечать я не буду.

- Этой приятельницы не было дома?

- Как вы узнали?

- Вам пришлось набирать три разных номера.

Она ничего не ответила и отпила глоток коньяка. Ей было не по себе.

Просыпаться для нее, должно быть, было мукой, и только глоток спиртного более или менее приводил ее в себя. Лицо у нее было отекшее. Нос заострился и казался еще длиннее.

- Тогда еще вопрос. Ящики стола, принадлежавшего вашему мужу, закрыты на ключ. Вам известно, где находятся ключи?

- Наверное, у него в кармане. Я никогда не рылась у него в комнатах.

- Кто его лучший друг?

- Сразу после нашей свадьбы он часто приглашал к обеду адвоката Обуано с женой. Они вместе учились.

- Они перестали видеться?

- Не знаю. Во всяком случае, сюда Обуано больше не приходит. Мне он не нравился. Человек с большими претензиями, говорит без остановки, как будто выступает в суде. А его жена, так...

- Что жена?

- Ничего. Лопается от гордости, что унаследовала замок от своих родителей... Она выпила еще.

- Вы тут надолго?

Чувствовалось, что она устала, и Мегрэ стало ее немного жаль - Предполагаю, что я все еще нахожусь под наблюдением кого-то из ваших людей?

- Да. На сегодня все.

Мегрэ сделал Лапуэнту знак следовать за ним.

- До свидания, сударыня.

Она не ответила, а в гостиной уже дожидалась горничная, которая и проводила их сначала в прихожую, потом на лестницу.

На первом этаже Мегрэ пересек площадку, вошел в контору и попросил провести его к г-ну Лекюреру. Тот вышел навстречу обоим полицейским, которых провел к себе в кабинет.

- Есть новости? - спросил он.

- Новостями это не назовешь. Как мне удалось выяснить, последней видела вашего патрона, одна девушка из кабаре "Крик-крак" с улицы Клемана Маро, а после того как они расстались, он должен был отправиться на улицу Терн, где его ожидала одна молодая особа. Это было уже ночью восемнадцатого февраля. На улице Терн он так и не появился.

- Может быть, передумал дорогой?

- Может быть. Это точно, что более чем за месяц он вам ни разу не позвонил?

- Ни разу.

- Однако во время прежних отлучек он держал с вами связь по телефону.

- Да, каждые два-три дня. Он очень обязательный человек. Года два назад он в срочном порядке появился, так как нам нужна была его подпись.

- Как у вас с ним складывались отношения?

- Они были очень добросердечными. Он мне полностью доверял.

- Знаете ли вы, что он хранил в ящиках стола у себя в квартире?

- Нет. Я редко поднимался вверх и никогда не видел, чтобы ящики стола были выдвинуты.

- Ключи вы видели?

- Часто. Он всегда носил с собой связку. Там был и ключ от большого сейфа, который вы должны были заметить в машинописном бюро.

- Что в сейфе?

- Документы наших клиентов конфиденциального содержания, в частности их завещания.

- У вас тоже есть этот ключ?

- Естественно.

- У кого еще?

- Ни у кого.

- Были ли какие-нибудь дела, которые нотариус вел сам, не ставя вас в курс дела?

- С некоторыми клиентами он вел переговоры с глазу на глаз у себя в кабинете, почти всегда делал кое-какие пометки и, когда клиент уходил, ставил меня в курс дела.

- Кто в его отсутствие занимается движением капиталов?

- Я. У меня общая доверенность.

- Ваш патрон очень богат?

- Да, не беден.

- Он сумел увеличить свое состояние с тех пор, как умер его отец?

- Бесспорно.

- И все это наследует только его жена?

- Я вместе с еще одним служащим был свидетелем при подписании завещания, но я его не читал. Предполагаю, что он предусмотрел известное количество достаточно крупных отказов по завещанию.

- А контора?

- Все будет зависеть от госпожи Сабен-Левек.

- Благодарю вас.

Тут Мегрэ неожиданно для себя заметил, что после визита Натали в уголовную полицию о нотариусе говорят то в настоящем времени, то в прошедшем.

Больше в прошедшем - Если вы хотите встретиться со мной сегодня, приходите сейчас же - в час у меня операция.

У Мэгрэ сложилось впечатление, что доктор Флориан, как большинство светских врачей, окружал себя неким ореолом торжественности. Жил он на авеню Фош, что подразумевало наличие избранной клиентуры.

- Буду у вас через несколько минут...

Мегрэ с Лапуэнттом находились в баре на бульваре Сен-Жермен - им надо было позвонить; мешало и пропустить по кружке пива.

- Он ждет нас. Это на авеню Фош...

Несколько минут спустя маленький черный автомобиль уже следовал по Елисейским полям. Лапуэнт молчаливо хмурился, словно что-то не давало ему покоя.

- Случилось что-нибудь?

- Да все эта женщина... Не могу отделаться от чувства жалости к ней.

Мегрэ ничего не ответил, но думал он, наверное, о том же, потому что, когда они объезжали вокруг Триумфальной арки, он пробурчал:

- Придет время, я с ней познакомлюсь получше.

Дом был богатый, внушительный, более современный, чем тот, на бульваре Сен-Жермен. Просторный лифт плавно доставил их на седьмой этаж, где слуга в полосатом жилете распахнул перед ними дверь.

- Сюда. Профессор ждет вас.

Сначала он принял у них пальто и шляпы. Потом распахнул двустворчатую дверь, по бокам которой красовались почти неповрежденные греческие статуи.

Хирург был выше Мегрэ, шире в плечах; он протянул комиссару сильную руку.

- Инспектор Лапуэнт, - представил Мегрэ спутника.

- Простите, что заставил вас торопиться, но дни у меня расписаны. Уже четверть часа - с того времени, как вы позвонили, - я пытаюсь понять, чем могу быть вам полезен.

Простой, очень богато обставленный кабинет был залит солнцем, стеклянная дверь, ведущая на террасу, приоткрыта, и занавески время от времени вздувались под порывами ветра.

- Присаживайтесь, пожалуйста.

Из-за седеющей шевелюры врач выглядел старше, чем на самом деле, одет он был строго: брюки в полоску и черный пиджак.

- Если не ошибаюсь, вы - друг Жерара Сабен-Левека.

- Мы одногодки и вместе учились в университете, он - на юридическом, я-на медицинском. В ту пору у нас была довольно веселая компания, в которой он играл роль заводилы.

- Он очень изменился?

- Мы с ним мало виделись после его женитьбы. Доктор Флориан нахмурился.

- Я обязан знать, в качестве кого я должен отвечать на ваши вопросы.

Как врач я связан профессиональной тайной; как друг обязан соблюдать определенную корректность.

- Понимаю. Сабен-Левек исчез больше месяца назад. Он никому не сообщил о своем отъезде: ни жене, ни первому клерку.

Вечером восемнадцатого февраля он вышел из дому, не захватив с собой никаких вещей. Я выяснил, где он был в тот вечер или, вернее, в ту ночь - в кабаре "Крик-крак", что на улице Клемана Маро. Вышел он оттуда один, намереваясь отправиться по адресу, который ему там дали, - это на улице Терн, но там он не появился.

- Что говорит его жена?

- Вы ее знаете?

- Я иногда заходил к ним в первые месяцы после свадьбы.

- За ним уже тогда числилось то, что я называю "загулами"?

- Вы в курсе? Его всегда, даже когда он был студентом, весьма привлекали женщины из кабаре и атмосфера подобных заведений. Он остался верен этой страсти, но в ней нет ничего патологического, и слово "загул" здесь не совсем подходит.

- Я употребляю его только потому, что не смог подобрать другого.

- Он не пускался в откровенности по этому поводу во время наших обедов, но думаю, что привычку заглядывать туда по-холостяцки он сохранил навсегда, и я могу сказать...

- Вы хорошо знаете его жену?

- Видел раз десять.

- Знаете ли вы, где они встретились?

- На этот счет он хранил строжайшую тайну. Не думаю, что она из того же круга, что и он. Я слышал мимоходом, что в какой-то момент своей жизни она была секретаршей, наверное, у адвоката.

- Совершенно верно. Какое она произвела на вас впечатление?

- Она редко заговаривала со мной. Во время наших обедов она держалась мрачно или вызывающе, случалось, выходила из-за стола, бормоча извинения.

- Вы считаете, что она в здравом уме?

- Это не по моей специальности. Я хирург, а не психиатр. Но я думаю, что она много пила.

- Пьет она еще больше. Она была пьяна, когда явилась на набережную Орфевр заявить мне об исчезновении мужа.

- Когда это было?

- Позавчера.

- А исчез он в феврале?

- Да. Выжидала она больше месяца. Через неделю после исчезновения первый клерк посоветовал ей обратиться в полицию, но она ответила ему, что это его не касается.

- Странно.

- Скорее подозрительно.

Хирург прикурил от золотой зажигалки и обратился к комиссару:

- Можете курить свою трубку... Ваши вопросы ставят меня в тупик. Я знаю, что Жерар был блестящим человеком, думаю, им и остался. Когда мы познакомились, он уже был тем, кого теперь называют "плей-боем". Обожал спортивные машины и заведения, где можно поразвлечься. Как мне говорили, на лекциях его видели редко, что, однако, не мешало ему с необычайной легкостью сдавать экзамены. Не знаю, может быть, он изменился.

- Мне его описывали так же. Женился он, судя по всему, опрометчиво и вскоре обнаружил, что это была глупость.

- Я тоже так думаю. Это из-за его жены вокруг него образовался некий вакуум. У Натали была мания унижать его перед друзьями. Я ни разу не слышал, чтобы он отвечал ей. Продолжал разговор как ни в чем не бывало.

- Потом, он и жил с ней так, как будто ее не существовало. Думаете, он от этого страдал?

- Трудно судить о людях, если они постоянно шутят. Ясно, что жизнь он вел ненормальную. Я могу понять те небольшие загулы, которые он позволял себе. То, что он уже месяц отсутствует, - более серьезно. Он даже не связывался со своей конторой?

- Обычно он это делал. На этот раз он не потрудился узнать, не нужен ли он там.

- Кажется, его жена вас очень занимает?!

- Она жила с ним в одной квартире, и, конечно, было время, когда они говорили о любви.

- Бедный старина Жерар!.. Хирург встал.

- Прошу прощения, но дела вынуждают меня. Кстати, у нас есть общий друг, который стал психиатром, он принимает в больнице Святой Анны. Это доктор Амадье. Ему тоже приходилось несколько раз бывать на обедах на бульваре Сен-Жермен.

Д-р Флориан проводил посетителей до двери, где их ожидал слуга с пальто на руке.

- Десять минут первого, - заметил Мегрэ, когда они уселись в машину.

- Осталось выяснить, обедает ли доктор Амадье дома.

Так как комиссару было необходимо позвонить, ему представилась возможность выпить аперитив: на этот раз Мегрэ сам выбрал пастис.

- И мне, - пробурчал Лапуэнт. Амадье был дома. На этой неделе прием в Святой Анне начинался у него только с двух часов.

- Насколько я понимаю, это срочно?

- Да. Дело, о котором я хотел бы переговорить с вами, мне кажется не терпящим отлагательства.

В квартире, где жил Амадье, царил легкий беспорядок; доктор, наверное, был холостяком, потому что на столе, который служанка уже начала убирать, стоял только один прибор. Рыжий, веснушчатый, с всклокоченными волосами, он носил твидовый костюм, настолько измятый, что, казалось, доктор в нем спал.

Впоследствии Мегрэ стало известно, что он был одним из крупнейших психиатров во Франции, если не в Европе.

- Садитесь. Закуривайте трубку и скажите, что вы хотели бы выпить.

- Пока ничего. Я знаю, что ваше время дорого. Вы довольно хорошо знали Сабен-Левека?

- Как же мне его не знать, когда мы немало покутили вместе, будучи студентами? Уж не хотите ли вы сказать, что им занялась полиция?

- Он исчез больше месяца назад.

- Никого не предупредив?

- Никого не предупредив. За все это время он даже не позвонил своему первому клерку, что обычно делал, когда отсутствовал максимум неделю.

- Что же с ним могло случиться? - протянул Амадье, ни к кому не обращаясь. Потом, словно удивившись, добавил:

- Ну а я-то чем могу быть вам полезен?

- Я разыскиваю человека, которого никогда не видел, о котором еще вчера ничегошеньки не знал, и мне необходимо составить о нем представление.

- Понимаю.

- Ваш друг Флориан, у которого я только что был и который направил меня сюда, считает его солидным человеком.

- Я тоже.

- Могла ли та жизнь, которую он столь долго вел, толкнуть его на самоубийство?

- Это на него не похоже. Кроме того, он позволял себе иногда расслабиться.

- Знаю. Я виделся с некоторыми его подружками.

- После его женитьбы я несколько раз ужинал у них на бульваре Сен-Жермен.

- Просто в качестве друга?

- Думаю, что могу отвечать вам, не боясь выдать профессиональную тайну. Прийти посмотреть на его жену просил меня Жерар. Он не мог понять, в здравом ли она уме. Я увидел женщину, обладающую острым умом, которая с первого вечера вывела меня на чистую воду. Она смотрела на меня ясными глазами, как будто бросала мне вызов. И нарочно пила без остановки.

- Она продолжает этим заниматься.

- Знаю, но в моем присутствии она пила в два раза больше и после каждой рюмки поглядывала на меня.

- Это заболевание, не правда ли, доктор? - приговаривала она. - Я-то, что называется неизлечимая алкоголичка...

- Излечиваются почти все, сударыня, конечно, при условии, что хотят вылечиться.

- Как этого хотеть, если не можешь взглянуть жизни в лицо. Я здесь одна: муж, которому я совершенно безразлична, меня презирает.

- Уверен, что вы ошибаетесь. Я знаю Жерара. Если он женился на вас, то только потому, что любит.

- Он думал, что любит. Я-то его не любила, но надеялась, что полюблю.

Это самый эгоистичный, самый циничный человек, которого я встречала.

Амадье снова раскурил трубку, послав к потолку кольцо дыма. В комнате, которую нельзя было назвать ни гостиной, ни кабинетом, ни приемной для пациентов, повсюду лежали книги, журналы.

- Понимаете, в какое я попал положение. Бедняга Жерар, который при этом присутствовал, сносил все это не моргнув глазом.

- На шестой или седьмой визит она вышла ко мне в большую гостиную и, не дав мне времени поздороваться, сообщила, еле ворочая языком:

- Господин Амадье, не стоит больше утруждать себя. Ужин не состоится.

И в дальнейшем ваше присутствие в этом доме нежелательно. Когда мне будет необходим психиатр, я найду его сама.

Она повернулась ко мне спиной и нетвердой походкой направилась на свою половину.

На следующий день мой друг Жерар пришел ко мне с извинениями. Он рассказал, что жена его становится все более невыносимой и что он всеми средствами старается избегать ее. Правда, он добавил, что со своей стороны она делает то же.

- Почему ваш друг не потребовал развода?

- Потому что, несмотря на жизнь, которую он вел, Жерар был очень набожен. Кроме того, именно эта жизнь и обернулась бы против него.

Мегрэ задумчиво курил, разглядывая этого высокого рыжего человека с чистыми голубыми глазами. В конце концов он вздохнул и поднялся.

- Итак, безумной вы ее не считаете.

- На первый взгляд нет. Не забывайте, что я видел ее только под воздействием алкоголя. Для установления диагноза нужны были бы более длительные и тщательные наблюдения. Сожалею, что не смог быть вам полезен.

Они пожали друг другу руки, и Амадье проводил взглядом обоих мужчин, которые начали спускаться по лестнице: в доме не было лифта.

- К "Дофину"?

- С удовольствием, шеф.

- Жаль, что невозможно поместить ее в Святую Анну, препоручив заботам такого человека.

- Мужу должно иногда становиться невыносимо жить с ней, даже если они не видят друг друга. Находиться с ней под одной крышей, когда она испытывает к тебе подобные чувства, я, мне кажется, побоялся бы.

Мегрэ с серьезным видом взглянул на Лапуэнта:

- Ты думаешь, она могла бы...

- Я вам уже говорил, что мне жаль ее. Мне по-прежнему жаль ее, потому что она, должно быть, очень несчастна, но в то же время она меня пугает.

- Как бы там ни было, где-то он есть, живой или мертвый.

- Скорее мертвый, - чуть слышно ответил Лапуэнт.

Войдя в пивную "У дофина", Мегрэ первым делом направился к телефону, чтобы позвонить домой.

- Знаю, - сказала г-жа Мегрэ, не дав ему открыть рта, - обедать ты не придешь. Я была в этом настолько уверена, что ничего и не готовила, и тебе пришлось бы удовлетвориться ветчиной с салатом.

Мегрэ решил было заказать еще один пастис, но вспомнил, что рекомендовал ему его друг Пардон, и передумал. В меню был рубец по-кайенски, что тоже было ему вредно, но Мегрэ тем не менее отважился его попробовать.

- Я не могу решиться попросить у прокурора постановление на обыск.

Мне будет трудно получить его, поскольку нет никаких доказательств, что трагедия имела место.

- Что вы собираетесь искать?

- Оружие. Был ли у нотариуса пистолет? Есть ли он у его жены?

- Вы думаете, она способна на убийство?

- Что касается ее, мне кажется, что тут все возможно. С таким же успехом она могла бы его убить кочергой или бутылкой.

- И что бы она делала с телом?

- Это верно. Я не представляю себе, что она поджидает его у выхода из кабаре "Крик-крак", наносит ему удар - выстрела ведь не было - и прячет тело.

- Может быть, у нее есть сообщник?

- Если только мы не на ложном пути и на нашего героя не напали злоумышленники. Такие нападения случаются каждую ночь.

- Зачем в этом случае прятать тело?

- Согласен. Согласен. Я кружу на месте. В какие-то моменты мне начинает казаться, что я близок к разгадке, но уже через минуту понимаю, что это не выдерживает критики.

Мегрэ через силу усмехнулся.

- Вот будет картинка, если наш нотариус неожиданно появится, бодрый, улыбающийся, и поинтересуется, что это у нас случилось.

- Что вы думаете о Лекюре?

- О первом клерке? Он мне не очень нравится, без видимых причин. Это один из тех рассудочных людей, которых ничто не выводит из себя и которые в любых обстоятельствах сохраняют присутствие духа.

- Вы говорили о том, что может случиться с конторой, если выяснится, что Сабен-Левек мертв. Первый клерк служит у него больше двадцати лет. А ведь соблазнительно рассматривать контору в каком-то смысле как свою собственную.

- Для этого нужно, чтобы вдова согласилась сохранить ее, что кажется мне маловероятным. Судя по всему, они не испытывают симпатии друг к другу.

- Во всяком случае, целоваться они в нашем присутствии не собираются.

Мегрэ тяжело уставился на Лапуэнта.

- Ты действительно это допускаешь?

- С сегодняшнего утра - да. Может быть, я ошибаюсь, но...

- А не слишком ли это просто? Они оба умны. Натали - просто зверь.

Слышал, что сказал нам психиатр? Это мне напоминает одну фразу, которую я недавно вычитал: "Неистовая до потери способности соображать".

- Думаете, это к ней применимо?

- Да. Во всяком случае, когда она выпьет. А так как пить она начинает с утра, то под воздействием алкоголя становится опасной.

- Настолько, чтобы убить собственного мужа?

- Согласен - едва ли... И все-таки она беспокоится. Я встретился бы с ней еще раз только для того, чтобы вынудить ее перейти к обороне.

- А если она боится?

- Кого?

- Своего мужа. Тому тоже, должно, временами хочется, чтобы она оказалась в могиле. Он терпит ее уже больше пятнадцати лет, согласен, но иногда наступает момент, когда любая веревка рвется.

Мегрэ снова усмехнулся:

- Ну и мудрецы же мы с тобой оба! Строим предположения о вещах, которых не знаем.

Он не заказал себе коньяк после кофе. У комиссара надолго сохранится к нему отвращение, после того как у него на глазах жена нотариуса хлестала этот напиток как воду.

Мегрэ расположился у себя в кабинете и, полуприкрыв веки, рассматривал сидевшего перед ним мужчину: одет тот был в строгую униформу шофера, в замешательстве то и дело вертел в руках фуражку.

Лапуэнт пристроился у края стола со своим неизменным блокнотом для стенографирования. Это он съездил за шофером на бульвар Сен-Жермен и нашел его там в комнатке над гаражом.

Мегрэ пришлось долго настаивать, прежде чем оробевший собеседник опустился на стул.

- Вас зовут Витторио Петрини?

- Да, месье.

Он был превосходно вышколен: то и дело казалось, что он сейчас начнет отдавать честь.

- Родились где?

- В Патино. Это деревушка к югу от Неаполя.

- Женаты?

- Нет.

- Сколько вы уже во Франции?

- Десять.

- Вы сразу же поступили на службу к вашим нынешним хозяевам?

- Нет, месье. Я четыре года служил у маркиза д'Ор-сель.

- Почему вы его оставили?

- Потому что маркиз умер, месье.

- Скажите мне, в чем состоят ваши обязанности у Сабен-Левеков?

- Они у меня несложные, месье. Утром я езжу по магазинам с мадемуазель Жалон.

- Кухаркой?

- Ей трудно ходить. Она уже в возрасте. Потом я ухаживал за машинами, если месье не нуждался в моих услугах.

- Вы говорите "не нуждался"...

- Как, месье?

- Вы говорите, как будто это было в прошлом.

- Я уже давно не видел месье.

- Какой машиной он пользовался?

- Иногда "фиатом", иногда "бентли" - в зависимости от того, к кому должен был ехать. Нам случалось уезжать километров на пятьдесят, даже на сто от Парижа. Среди клиентов месье есть очень старые люди, и в город они не заезжают. Некоторые живут в очень красивых замках.

- Ваш хозяин разговаривал с вами дорогой?

- Бывало, месье. Хозяин очень хороший, не гордый, почти всегда в хорошем настроении.

- Хозяйка по утрам никогда не выезжает?

- Почти никогда. Клер, ее горничная, говорила, что она очень поздно ложится. Бывает даже, что она не завтракает.

- А днем?

- Месье я почти никогда не был нужен. Он был в конторе.

- Он сам не садился за руль?

- Иногда. Но тогда он любил брать "фиат".

- А хозяйка?

- Она иногда выходила часа в четыре-пять. Без меня. Без машины.

Кажется, ходила в кино, почти всегда куда-нибудь в Латинский квартал, а возвращалась на такси.

- Вам не казалось странным, что она не просит вас отвезти ее и встретить?

- Казалось, месье. Но не мне об этом судить.

- Случалось ей выезжать вместе с вами?
- Один-два раза в неделю.
- Куда она ездила?
- Недалеко. На улицу Понтье. Она шла в маленький английский бар и оставалась там довольно долго.

- Вы знаете название бара?

- Да, месье. "Пиквик".

- В каком состоянии она оттуда выходила? На этот вопрос шофер ответил не сразу.

- Она бывала пьяна? - упорствовал Мегрэ.

- Иногда я помогал ей сесть в машину.

- Она сразу же возвращалась домой?

- Не всегда. Бывало, она просила остановиться у другого бара, который в отеле "Георг Пятый".

- Она и оттуда выходила одна?

- Да, месье.

- Она могла сесть в машину?

- Я ей помогал, месье.

- А по вечерам?

- Она никогда не выходила по вечерам.

- А хозяин?

- Он выходил, но без машины. Думаю, предпочитал брать такси.

- Каждый вечер?

- О нет. Иногда неделю, а то и дней десять оставался дома.

- Но бывало также, что он по несколько дней не возвращался?

- Да, месье.

- Вы никогда не отвозили их куда-нибудь вместе, вдвоем?

- Никогда, месье. Вернее, один раз, на похороны. Года три-четыре назад.

Шофер продолжал теревить фуражку с кожаным козырьком. Синяя униформа сидела на нем прекрасно, ботинки блестели.

- Что вы думаете о своей хозяйке? Он смутился, попытался улыбнуться.

- Вы ведь знаете, правда? Не мне о ней говорить. Я только шофер.

- Как она вела себя с вами?

- Когда как. Иногда и слова не скажет, сидит с поджатыми губами, как будто сердится на меня. А то называет меня "малыш Вито" и говорит без умолку.

- О чем?

- Трудно сказать. Иногда: "Не могу понять, как я до сих пор выношу эту жизнь..." Или, когда приказывает отвезти ее: "В тюрьму, Вито".

- Она так называла дом на бульваре Сен-Жермен?

- Когда пройдетя по нескольким барам - да. "Знаете, я пью из-за этой свиньи, вашего месье. Любая женщина запила бы на моем месте". Все в таком роде, понимаете. Я молча слушал. Я очень люблю месье.

- А ее?

- Мне не хотелось бы отвечать.

- Восемнадцатое февраля - вам это что-нибудь говорит?

- Нет, месье.

- Это день, когда ваш хозяин в последний раз вышел из дома.

- Он, наверное, выходил один, потому что машина ему не потребовалась.

- Что вы делаете вечерами?

- Читаю или смотрю телевизор. Пробую избавиться от своего акцента, но не выходит.

Этот разговор был прерван телефонным звонком. Мегрэ указал Лапуэнту на телефон.

- Да... Он здесь. Передаю трубку... - И, обращаясь к Мегрэ, инспектор пояснил:

- Комиссар полиции пятнадцатого округа.

- Слушаю, Жадо.

Мегрэ давно знал его и очень ему симпатизировал.

- Извините, что беспокою, господин дивизионный комиссар. Думаю, то, что я вам скажу, вас очень заинтересует. Бельгийский речник Жеф ван Рутен проверял у набережной Гренель, как работает мотор, и очень удивился, когда увидел, что посреди водоворотов на поверхность поднимается человеческое тело.

- Личность установили?

- У него в кармане брюк оставался бумажник. Жерар Сабен-Левек. Это вам что-нибудь говорит?

- Да, черт возьми! Вы на месте происшествия?

- Нет еще. Я прежде всего хотел предупредить вас. Кто это?

- Нотариус с бульвара Сен-Жермен, который исчез больше месяца назад.

Сейчас еду. Встречу вас там. И спасибо.

Мегрэ закинул в карман вторую трубку, повернулся к шоферу:

- Пока вы мне больше не нужны. Можете идти. Благодарю за помощь.

Оставшись наедине с Лапуэнтом, Мегрэ вздохнул:

- Его-таки убили.

- Сабен-Левека.

- Только что вытащили тело из Сены, набережная Гренель. Поедешь со мной. Сначала предупреди отдел идентификации.

Маленький автомобиль выбрался из заторов машин и достиг Гренельского моста в рекордное время. На берегу Сены, ниже набережной, были свалены брусья, груды кирпичей, какие-то трубы. Несколько барж стояли под разгрузкой.

Вокруг безжизненного тела сгрудилось человек пятьдесят - постовому стоило большого труда не подпускать их близко.

Жадо был уже на месте.

- Товарищ прокурора сейчас будет здесь.

- Бумажник у вас?

- Да.

Жадо передал Мегрэ бумажник. Был он, естественно, совершенно размокший, липкий, дряблый. Лежало в нем три пятисотфранковых купюры и несколько сто-франковых, удостоверение личности и права. Чернила расплылись, но некоторые слова еще можно было прочесть.

- Больше ничего?

- Нет, есть. Чековая книжка.

- Тоже на имя Сабен-Левека?

- Да.

Мегрэ украдкой поглядывал на разбухшее тело, распростертое на мостовой. Как всегда в подобных случаях, комиссару пришлось пересилить себя, чтобы к нему приблизиться.

Вздутый живот был похож на переполненный бурдюк. Грудь была распорота, и оттуда вылезали внутренности мерзкого белого цвета. Что касается лица, в нем уже не оставалось почти ничего человеческого.

- Лапуэнт, звони Лекюреру, пусть сейчас же едет сюда.

Мегрэ не мог допустить, чтобы это увидела Натали.

- Где речник?

Ему ответили с сильным фламандским акцентом:

- Я здесь, господин полицейский.

- Вы тут долго стояли?

- Больше двух недель, понимаете. Я рассчитывал задержаться дня на два, чтобы выгрузить кирпичи, но забарахлил мотор. Механики пришли чинить. На это потребовалось время. Сегодня утром они закончили работу...

Рядом с речником стояла его белобрысая жена со светловолосым младенцем на руках: судя по всему, она не понимала по-французски и с беспокойством переводила взгляд с одного собеседника на другого.

- Около трех я решил сам проверить мотор, потому что рассчитывал завтра утром отплыть в Бельгию, взяв груз вина в Берси. Я почувствовал: что-то мешает, и когда мотор заработал, тело неожиданно всплыло на поверхность. Оно, наверное, зацепилось за якорь или винт, поэтому все распорота. Вот уж повезло, правда, месье...

Товарища прокурора, которому не было и тридцати, звали Орон. Выглядел он очень элегантно, очень изысканно.

- Кто это? - спросил он, пожав Мегрэ руку.

- Мужчина, который исчез больше месяца назад, Сабен-Левек, нотариус с бульвара Сен-Жермен.

- Он украл кассу?

- Не похоже.

- У него были причины для самоубийства?

- Не думаю. Последней, кто его видел, была девушка из ночного кабаре.

- Значит, его убили?

- Вероятно.

- Здесь?

- Не представляю, каким образом могли его привезти живым на берега Сены. Идиотом он не был...

Привет, Гренье. У меня тут для вас грязная работенка.

- Видел.

Это был один из новых судебно-медицинских экспертов.

- Здесь я ничего не могу сделать. Констатировать смерть было бы с моей стороны смешно: она достаточно очевидна.

Подъехал фургон Института судебной медицины. Но сначала пришлось предоставить поле деятельности фотоаграфам из отдела идентификации.

Первый клерк нотариуса не заставил себя ждать и уже спускался по каменным ступеням, ведущим на грузовой причал.

Мегрэ указал ему на бесформенную массу, распространявшую зловоние.

- Посмотрите, он ли это.

Подойти ближе первый клерк не решался. Держался он неестественно прямо и не отнимал от носа и рта носовой платок.

- Это действительно он, - заявил Лекюрер.

- Как вы его узнали?

- По лицу. Это действительно он, хотя лицо и изуродовано. Думаете, он бросился в воду?

- С чего бы это?

Лекюрер отошел, встав как можно дальше от тела.

- Не знаю. В воду бросаются многие.

- У меня его бумажник и чековая книжка.

- Значит, я не ошибся, опознав его.

- Я вызову вас завтра утром на набережную Орфевр, чтобы подписать свидетельские показания.

- В котором часу?

- В девять. У вас такси?

- Вито успел вернуться. Я попросил его привезти меня сюда. Он ждет в "фиате" на набережной...

- Я тоже им воспользуюсь... Идешь, Лапуэнт?

Мегрэ подошел к судебно-медицинскому эксперту: тот, кажется, был единственным человеком, который чувствовал себя нормально рядом с трупом.

- Сможете ли вы уже сегодня вечером сказать мне, был ли он убит, прежде чем попал в воду?

- Постараюсь. Это будет нелегко, учитывая состояние, в котором находится тело.

Трое мужчин врезались в толпу любопытных. Жеф ван Рутен устремился за Мегрэ.

- Вы будете начальник, да?

- Да.

- Я смогу отчалить завтра утром? Я сказал все, что знал.

- Сначала вы отправитесь в комиссариат, чтобы там записали ваши показания, вы их подпишете.

- В какой комиссариат?

- Вон там господин в черном плаще с маленькими черными усиками. Это комиссар здешнего округа. Он вам скажет, что надо делать.

В "фиате", который Вито, как все личные шоферы, вел осторожно, их было четверо.

- Простите, господин Мегрэ, - чуть слышно проговорил первый клерк. - Нельзя ли на минутку остановиться около бистро? Если я не выпью чего-нибудь крепкого, меня вырвет.

Из машины, остановившейся перед баром, они вышли все трое: в баре никого не было, кроме двух грузчиков. Лекюрер заказал себе двойную порцию коньяка, он был мертвенно-бледен. Мегрэ ограничился кружкой пива, а Лапуэнт тоже заказал себе коньяк.

- Я не ожидал, что его найдут в Сене.

- Почему?

- Не знаю. Я иногда думал, что он уехал с какой-нибудь женщиной. Он мог быть на Лазурном берегу... где угодно. Предположить, что произошла трагедия, я мог только по одной причине - он мне не звонил.

До бульвара Сен-Жермен они добрались быстро.

- Вы должны будете проверить все последние счета и навести справки в банке.

- Не доверите ли мне чековую книжку, чтобы я мог сверить те суммы, что в ней значатся?

Мегрэ передал ее первому клерку и направился к правой двери, в то время как Лекюерер открыл левую.

- Опять! - недовольно воскликнула горничная, открыв дверь.

- Да, мадемуазель, это опять я. И буду вам признателен, если вы незамедлительно известите вашу хозяйку, что я ее жду.

Не дожидаясь приглашения, Мегрэ сам, не вынимая трубки изо рта, направился к будуару: он как будто бросал вызов.

Прошло добрых десять минут, прежде чем появилась Натали - вместо домашнего туалета на ней был очень элегантный костюм.

- Я собиралась выходить.

- Чтобы отправиться в какой бар?

- Это вас не касается.

- У меня для вас важная новость. Только что обнаружен ваш муж.

Она не спросила, жив он или мертв. Только поинтересовалась:

- Где?

- В Сене, в Гренельском порту.

- Я так и знала, что с ним что-нибудь стряслось. Рот у нее был перекошен, взгляд достаточно тверд. Она, конечно, выпила, но держалась.

- Предполагаю, что мне надо поехать опознать тело? Он в морге?

- Во-первых, моргов уже давно нет. Это теперь называется Институт судебной медицины.

- Вы сами меня туда отвезете?

- В опознании нет необходимости. С этим справился господин Лекюерер.

Если вы настаиваете...

- Вы меня оскорбляете?

- Чем?

- Считаете, что я настолько извращена?

- С вами никогда не угадаешь...

Сакраментальная бутылка коньяка с рюмкой стояла на столике. Она налила себе, не предложив посетителям.

- Что теперь будет?

- Сегодня вечером это станет известно журналистам, и они вместе с фотографами начнут трезвонить в ваши двери.

- Помешать им в этом никак нельзя?

- Вы можете их не принимать.

- И тогда?

- Они примутся искать в других местах. Вас они не пощадят, скорее, напротив. Это обидчивые люди. Возможно, им что-то удастся обнаружить.

- Мне нечего скрывать.

- Поступайте, в конце концов, как вам заблагорассудится, но на вашем месте я их принял бы. Постарался бы выйти к ним в достаточно пристойном виде. Первые появятся через час с небольшим.

Пить она больше не стала, даже налитую вторую рюмку.

- Они держат связь с комиссариатами...

- Вам доставляет удовольствие так со мной говорить, правда?

- Можете быть уверены, что не слишком.

- Вы меня презираете.

- Я никого не презираю.

- Это все, что вы хотите мне сказать?

- Да, все. Мы, вероятно, скоро опять увидимся.

- Не имею ни малейшего желания. Я вас презираю, господин комиссар. А теперь убирайтесь! Клер!.. Выставьте этих господ за дверь.

На тротуаре, напротив дома 207-а по-прежнему стоял инспектор, и Мегрэ не решился положить конец слежке, предпочтя, в конечном итоге, продолжать ее.

Прослушивание телефонных разговоров ничего не дало, и нужно было подождать результата, раз уж Натали не постеснялась выйти вечером к телефону-автомату, накинув меховое манто поверх ночной рубашки.

- Что ты обо всем этом думаешь, Лапуэнт? - поинтересовался Мегрэ, садясь в машину.

- Если она будет вести себя с журналистами так же, завтра утром можно ожидать любопытных сообщений в газетах.

- На Набережной мне сегодня больше нечего делать. Высади-ка меня у дома.

Г-жа Мегрэ встретила его, хитро улыбаясь.

- Доволен?

- Чем это я должен быть доволен?

- Разве твой покойник не обнаружен?

- Сообщили по радио?

- Да, в шестичасовых известиях было краткое сообщение по этому поводу. Есть хочешь?

- Нет. После такого дня, какой пришлось провести, аппетит не появляется.

Мегрэ направился к буфету и задумался, что бы себе налить, потому что его подташнивало. В конце концов он решился на стопку джина. Такое случалось нечасто. Бутылка стояла нетронутой уже больше года.

- Тебе налить? - спросил он.

- Нет, спасибо. Сядь и почитай газеты, а я тебе приготовлю немного поесть.

Суп уже поспел. После него она подала салат с ветчиной и ломтики холодной картошки.

- Тебя что-то мучает? - негромко спросила г-жа Мегрэ, пока муж ел.

- Я кое-чего не понимаю, и это мне не нравится.

- С кем ты работаешь?

Г-же Мегрэ было известно, что его всегда сопровождает кто-нибудь из ближайших сотрудников. Иногда это был Жанвье. Иногда Люкас, но он теперь заменял Мегрэ, когда тот отсутствовал. На этот раз судьбе было угодно, чтобы это был Лапуэнт.

- Телевизор включить?

- Нет. Мне что-то лень смотреть.

Комиссар устроился в своем кресле и принялся листать газеты, но голова его была занята другим, особенно Натали, которая только что в столь грубых выражениях выставила его за дверь квартиры.

В девять он уже дремал, и жена собиралась будить его, чтобы он перебрался на кровать, когда телефонный звонок заставил Мегрэ подскочить на месте.

- Алло!.. Да, я слушаю. Это вы, Гренье?.. Удалось что-нибудь обнаружить?

- Сначала один вопрос. Этот господин имел привычку носить шляпу?

Мегрэ подумал.

- Я никогда его не видел, и мне не пришла в голову мысль расспрашивать на этот счет его жену или служащих. Подождите-ка...

Одевался он изысканно, старался выглядеть молодо... Я представляю его себе скорее с непокрытой головой...

- А может быть, кто-то снял с него шляпу, прежде чем ударить по голове?.. Да не один раз, а раз десять, по моему мнению, с большой силой. Череп - на кусочки, как мозаика...

- Пули нет?

- Ни в голове, ни где бы то ни было. Не знаю, каким предметом воспользовались: молотком, разводным ключом или монтировкой. Возможно, монтировкой. Двух таких ударов вполне хватило бы, но убийца остервенел.

- А что это за дыра на уровне талии?

- Это позже. Тело уже начало разлагаться, когда зацепилось за якорь или что-то в этом роде.

Мне показалась интересной одна деталь. Щиколотки повреждены, как мне кажется, чем-то вроде железной проволоки, причем так сильно, что одна ступня почти отвалилась. К этой проволоке, должно быть, привязали что-то тяжелое - груз или бутовый камень.

- Долго, по вашему мнению, он пробыл в воде?

- Точно сказать невозможно. Несколько недель.

- Четыре, пять?

- Возможно. По ходу дела я проверил одежду. В одном из карманов обнаружилась связка ключей. Я пришлю их вам завтра утром, как только смогу.

- Буду ждать с нетерпением.

- У вас в распоряжении больше людей, чем у меня. Пришлите кого-нибудь за ними.

- Идет. Оставьте ключи у вахтера.

- Теперь я отправлюсь в горячую ванну и хорошенько поем. Не хотел бы я иметь такую работенку каждый день. Спокойной ночи, Мегрэ.

- Спокойной ночи, Гренье. И спасибо.

На следующий день комиссар появился у себя в кабинете, когда не было еще девяти. Первым делом он отправил инспектора в Институт судебной медицины за связкой ключей.

В дверь постучали. Это был Лапуэнт, который сразу же понял, что есть новости.

- Мне звонил Гренье. Удар Сабен-Левеку был нанесен тупым предметом, как пишут в донесениях. Ударов десять, чрезвычайно сильных. Прежде чем бросить тело в воду, к щиколоткам привязали камень или какой-нибудь груз. Кроме того, Гренье нашел в одном из карманов связку ключей.

- Газеты видели?

- Нет еще.

Лапуэнт отправился за ними в инспекторскую и со странной улыбкой подал Мегрэ.

- Взгляните.

Шапка в одной из ежедневных газет гласила: "Убийство известного нотариуса".

Фотография была достаточно неожиданна для того, кто видел молодую женщину самое меньшее за час до того момента, как ее сфотографировали.

Опьянения не было и следа. Она не поленилась переодеться, и вместо бежевого костюма на ней был черный костюм с белой кружевной блузкой.

Темные волосы тщательно уложены. Лицо, которое казалось осунувшимся, было печально фотогеничной печалью, в руке она держала носовой платок, словно только что плакала и боялась, что заплачет снова.

"Его безутешная жена ничего не понимает".

Интервью с Натали было достаточно длинным, с вопросами и ответами.

Журналиста она приняла не в будуаре, а в большой гостиной.

- Когда исчез ваш муж?

- Приблизительно месяц назад. Я не беспокоилась, так как бывало, что его вызывал в провинцию кто-нибудь из клиентов.

- Кто замещает его в конторе?

- Его первый клерк, очень компетентный человек. Муж полностью ему доверял и дал общую доверенность.

- Вы часто выходите?

- Редко. Принимаем мы только немногих друзей. Мы ведем спокойную жизнь.

- Это вы обратились в полицию?

- Я решила повидаться с комиссаром Мегрэ, чтобы поделиться с ним своими тревогами.

- Почему с Мегрэ?

- Не знаю. Я читала отчеты о многих делах, которые он вел, и это внушило мне доверие к нему.

Интервью с Жаном Лекюрером было короче предыдущего.

- Мне нечего вам сказать.

- Он не оставил вам никакой записки?

- Нет. Он никогда не оставлял мне записок, но звонил каждые два-три дня.

- Так было и на этот раз?

- Нет.

- Это вас обеспокоило?

- Когда прошло дней десять...

- Вам не приходило в голову обратиться в полицию?

- Я просто поделился своими тревогами с госпожой Сабен-Левек.

Другая газета поместила фотографию сидящей Натали, по-прежнему в большой гостиной.

"Загадочная смерть парижского нотариуса".

Текст был почти такой же, разве что эта газета подчеркивала тот факт, что полиция предупреждена не была. В заключение сообщалось: "Судя по всему, такие загадочные исчезновения были для г-на Сабен-Левека привычны".

- Самое удивительное, - заметил Лапуэнт с некоторым восхищением, - как это она сумела перемениться в столь короткое время!

Вернулся инспектор со связкой ключей: в ней было полдюжины маленьких ключиков и ключ от сейфа, вероятно, с первого этажа.

Бонфис принес Мегрэ список парижских ночных ресторанов и кабаре, и комиссар был удивлен их количеством. Три страницы машинописного текста через один интервал!

Он сунул список в ящик стола, поднялся и вздохнул:

- На бульвар Сен-Жермен.

- Вы думаете, она вас примет?

- Я собираюсь встретиться не с ней. Мне нужно прежде зайти в прокуратуру.

Мегрэ сообщили, что вести дело поручено следователю Куэнде, - еще с первых лет своей службы комиссар знал этого добродушного и улыбающегося старого следователя. Кабинет его он нашел в самом конце длинного коридора, где помещались судебные следователи.

Куэнде протянул ему руку.

- Я ждал вас. Присаживайтесь.

Письмоводитель печатал на машинке, возраста они со следователем были почти одинакового.

- Я прочел только то, что пишут в газетах, поскольку донесения у меня еще нет.

- Это потому, что не о чем доносить, - ответил комиссар, по-прежнему улыбаясь. - Вы забываете, что тело обнаружено только вчера.

- Я слышал, что вы занимаетесь этим делом уже три дня.

- Безуспешно. Сегодня утром мне необходимо постановление на обыск.

- На бульваре Сен-Жермен?

- Да. Госпожа Сабен-Левек не испытывает к моей персоне большой симпатии.

- Из ее интервью этого не явствует.

- Она плетет журналистам что ей вздумается. Мне хотелось бы досконально обследовать квартиру нотариуса: до сих пор я мог произвести только поверхностный осмотр.

- Вы не заставите меня долго ждать известий?

Это был намек на репутацию Мегрэ. Во Дворце правосудия считалось, что он ведет следствие как ему заблагорассудится, не очень-то думая о следователях.

Спустя двадцать минут Мегрэ с Лапуэнтон уже входили под ставшие им знакомыми своды. Мегрэ пришлось в голову заглянуть в привратническую, где их встретил мужчина весьма солидного вида. Привратницкая походила на гостиную.

- Я не знал, заглянете ли вы ко мне, господин комиссар.

- Я так торопился...

- Понимаю. Я в прошлом полицейский, служил постовым. Предполагаю, что вас интересует мадам?

- Такие штучки встречаются нечасто.

- Это странная пара, вернее, была странная пара, раз бедняга умер. У людей две машины и шофер. Но выходят они чаще всего пешком. Я никогда не видел, чтобы они шли куда-нибудь вместе, и, кажется, едят они тоже порознь.

- Почти всегда.

- Они никого не принимают, хотя журналистам она сказала другое. Что до нотариуса, он время от времени закатывается куда-нибудь по-холостяцки: ничего с собой не берет, нос задрал, руки в карманы. Мне кажется, у него где-то есть другая семья или пристанище в городе.

- Я загляну к вам при случае. Вы, кажется, весьма наблюдательны...

- Привычка, не так ли?

Спустя несколько мгновений Мегрэ уже звонил в дверь квартиры.

Увидя перед собой двух мужчин, Клер побагровела от ярости и наверняка бы захлопнула дверь перед носом у Мегрэ, не выстави он предусмотрительно ногу.

- Мадам...

- Мне нет дела до нее. Если вы умеете читать, прочтите эту бумагу.

Это постановление на обыск, выданное судебным следователем. Если вы не хотите предстать перед судом за сопротивление властям...

- Что вы хотите осмотреть?

- Вы мне не нужны. Квартиру я знаю.

И в сопровождении Лапуэнта комиссар направился на половину нотариуса.

Больше всего его интересовал кабинет. Из мебели - маленький письменный стол красного дерева, где было четыре закрытых на ключ ящика.

- Открой окно, ладно? Здесь пахнет затхлостью.

Мегрэ перепробовал три ключа, прежде чем подобрал подходящий. В ящике лежала только именная почтовая бумага, конверты и две ручки, одна из которых была из литого золота.

Содержимое второго ящика оказалось более интересным. Там находилось несколько любительских фотографий, сделанных в большинстве случаев на Лазурном берегу в парке огромной виллы в стиле начала века. Натали была лет на двадцать моложе, а нотариус, без пиджака, был похож на студента.

На обороте значилось: "Флорентина"; так, по всей видимости, называлась вилла.

На одной из фотографий рядом с семейной парой, совсем рядом с Сабен-Левеком, стояла эльзасская овчарка.

Только сейчас Мегрэ осознал, что в доме не было ни кошки, ни собаки.

Он уже собирался закрыть ящик, когда обнаружил в самой глубине маленькую фотографию, как на паспорт, - такие фотографии можно сделать в фотоавтомате. На ней тоже была изображена Натали, еще моложе, чем на каннских фотографиях, выглядела она на ней совершенно иначе. Нарочито загадочная улыбка, вопросительный взгляд.

На обороте - только одно слово или имя: "Трика".

Судя по всему, это было прозвище, и выбрала она его вовсе не для того, чтобы поступить на место секретарши к адвокату с улицы Риволи.

Когда она рассказывала Мегрэ о своем прошлом, когда называла имя своего мнимого прошлого хозяина и особенно когда ему стало известно, что тот уже десять лет как умер, он никак не мог отделаться от чувства беспокойства.

Ей в тот момент было известно, что адвоката нет в живых, и опровергнуть ее слова некому. Возможно, она никогда не была секретаршей или стенографисткой.

- Взгляни-ка, Лапуэнт. Что это тебе напоминает? Инспектор на мгновение задумался.

- Шикарную ципочку.

- Таким образом, мы выяснили, где нотариус находил себе подружек.

Мегрэ бережно уложил фотографию в свой бумажник. Теперь настала очередь левых ящиков письменного стола. В верхнем были только неиспользованные чековые книжки. Одна из них, правда, была закончена, а на корешках чеков вместо имени получателя всюду значилось: "На предъявителя".

Была и всякая ерунда наручные часы, запонки с маленьким желтым камнем в центре каждой из них, резинки, марки.

- Вас это забавляет?

Это была она. Клер вытащила ее из постели. Натали только что приняла хорошую порцию коньяка; спиртным от нее несло на расстоянии трех шагов.

- Добрый день, Трика.

У нее хватило самообладания не выдать себя.

- Не понимаю.

- Это не имеет никакого значения. Вот, прочтите. Он протянул ей постановление на обыск, которое она отпихнула.

- Знаю. Горничная мне сказала. Располагайтесь, следовательно, как у себя дома. Мое домашнее платье вы тоже собираетесь обыскивать?

Выражение глаз у нее было другое, чем накануне. В них уже не было беспокойства - в них был плохо скрываемый ужас. Губы у г-жи Сабен-Левек дрожали больше обычного, руки - тоже.

- Я еще не закончил с этой половиной квартиры.

- Мое присутствие вас смущает?.. Уже давно мне не представлялось случая входить на эту половину дома.

Мегрэ, не думая больше о ее присутствии, открывал и закрывал ящики, перешел в гардеробную, двери куда так и остались распахнутыми.

Там он обнаружил десятка три костюмов, преимущественно светлых тонов.

Все они были от одного из известнейших парижских портных.

- Можно подумать, что ваш муж не носил шляпы...

- Поскольку я с ним никогда не выходила, мне это неизвестно...

- Bravo вашей вчерашней комедии перед журналистами!

Несмотря на свое состояние, она, польщенная, не могла не улыбнуться.

Кровать была низкой и широкой, комната со стенами, обитыми кожей, носила отпечаток ее принадлежности мужчине.

Можно было подумать, что в ванной комнате еще накануне кто-то был. В стаканчике зубная щетка, на полочке-бритва, мыло для бритья и квасцы.

Пол был из белого мрамора, стены, ванна и другие детали обстановки тоже. Большое окно выходило в сад, который Мегрэ увидел впервые.

- Это ваш сад? - спросил он.

- А чей же?

Редко можно увидеть столь красивые деревья в частном парижском саду.

- Кстати, Трика, в каком заведении вы обслуживали посетителей?

- Мои права мне известны. Я не обязана вам отвечать.

- Тем не менее отвечать следователю вам придется.

- В этом случае я буду в сопровождении адвоката.

- Значит, адвокат у вас уже есть?

- Очень давно.

- Тот, что с улицы Риволи? - с иронией спросил комиссар.

Он не нарочно был с нею столь суров. Что бы он ни делал, все приводило ее в отчаяние.

- Это мое дело.

- Пойдем теперь к вам.

Мимоходом комиссар успел прочесть названия нескольких книг, стоявших в стенном шкафу. Там были современные авторы - все из лучших, были книги и на английском - нотариус, должно быть, свободно говорил на нем.

Пройдя через малую и большую гостиную, они оказались в будуаре Натали, которая, так и не присев, не отрывала от полицейских взгляда.

Мегрэ выдвинул несколько ящиков, в которых не было ничего, кроме каких-то безделушек.

Мегрэ прошел в комнату. Кровать была такой же большой, как и у Сабен-Левека, но белой, равно как и вся мебель. В ней находилось по большей части очень тонкое постельное белье, которое, судя по всему, было сшито по мерке.

Что до ванной комнаты из серо-голубого мрамора, то в ней был такой беспорядок, как будто ею только что впопыхах пользовались. Тем не менее бутылка коньяка и рюмка по-прежнему стояли на столике.

В гардеробной-платья, пальто, костюмы, тридцать-сорок пар обуви на специальных стеллажах.

- Известна ли вам причина смерти вашего мужа? Сжав губы, Натали молча смотрела на него.

- Его ударили по голове тяжелым предметом, может быть монтировкой.

Ударили не один раз, а десять, так что череп буквально разнесен на мелкие кусочки.

Она не шелохнулась. Застыв, она так и не могла оторвать остановившегося взгляда от комиссара, и в эту минуту кто угодно мог бы принять ее за безумную.

Мегрэ заглянул в привратническую.

- Скажите, когда нотариус женился, у него ведь была собака, не правда ли?

- Отличная эльзасская овчарка. Он очень ее любил, и животное платило ему тем же.

- Собака умерла?

- Нет. Через несколько дней после их возвращения из Канн, где они проводили медовый месяц, они его отдали...

- Вам это не показалось странным?

- Кажется, пес показывал клыки всякий раз, когда госпожа Сабен-Левек к нему подходила. Однажды он даже сделал вид, что хочет ее укусить, и порвал ей подол платья. Мадам очень испугалась. Это она заставила мужа избавиться от собаки...

Вернувшись к себе в кабинет, комиссар вызвал фотографа из отдела идентификации. Сначала Мегрэ протянул ему каннскую фотографию, на которой была запечатлена супружеская пара с собакой.

- Сможете увеличить этот снимок?

- Очень хорошо не получится, но узнать, кто здесь изображен, будет можно.

- А этот? Это фотография для паспорта.

- Сделаю что в моих силах. Когда вы хотите их получить?

- Завтра утром.

Фотограф вздохнул. Комиссару все всегда было нужно срочно. Фотограф уже давно привык к этому.

Г-жа Мегрэ тревожно поглядывала на мужа, что случалось с ней всегда, когда он вел трудное дело. Ее не удивляло его молчание, недовольный вид.

Казалось, стоило Мегрэ оказаться дома, как он не знал ни куда себя деть, ни чем заняться.

Он рассеянно жевал, и его жене случалось с улыбкой интересоваться у мужа: "Ты - здесь?" - поскольку вид у него был отсутствующий.

Сегодня он был не в настроении. Ей вспомнился один разговор, который вели двое мужчин однажды вечером, когда они обедали у доктора Пардона.

- Есть одна вещь, - говорил Пардон, - которую я с трудом могу понять. Вы представляете собой прямую противоположность служителю правосудия. Можно даже подумать, что, задерживая преступника, вы делаете это с сожалением.

- Да, бывает.

- И тем не менее вы принимаете дела, которые ведете, близко к сердцу, как будто это касается лично вас. Мегрэ ответил, не задумываясь:

- Это потому, что каждый раз я переживаю человеческую жизнь. Вы ведь тоже считаете, что когда вас зовут к постели неизвестного больного, это касается вас лично. И разве вы не боретесь за его жизнь так, как будто пациент - дорогое вам существо?

Мегрэ устал, насупился. Правда, поглядев на труп в Гренельском порту, было от чего прийти в плохое расположение духа даже судебно-медицинскому эксперту.

Мегрэ очень нравился Сабен-Левек, хотя он его и не знал. В лицее у комиссара был товарищ, который немного напоминал нотариуса по характеру.

С виду он был беспечным, легкомысленным человеком. Он был самым непослушным учеником в классе, прерывал учителя или рисовал на полях тетрадок.

Когда его на час выставляли за дверь, он заглядывал в окно, строя рожи.

Однако учителя на него не сердились и в конце концов начинали хохотать. Правда, на экзаменах он всегда был в первой тройке.

Нотариус, который вел до этого жизнь плейбоя, неожиданно женился.

Почему? Любовь с первого взгляда? Или Натали, которую тогда называли Трика, действовала с удивительной ловкостью?

На что она надеялась? На светскую жизнь в шикарной квартире, на путешествия и модные курорты?

Приблизительно после трех месяцев совместной жизни наступил момент, когда Сабен-Левек снова начал гулять.

Почему?

Мегрэ задавал себе вопрос и не находил на него приемлемого ответа.

Стала ли Натали постепенно показывать себя такой, какой была теперь?

Прекратилось ли воцарившееся было согласие и еще через некоторое время они уже, если так можно выразиться, перестали даже разговаривать друг с другом?

Ни тот ни другой не потребовали развода.

Кончилось тем, что Мегрэ заснул: голова его раскалывалась от вопросов. Когда он встал, выпив в постели первую чашку кофе, которую подала ему жена, шел мелкий дождь.

- У тебя сегодня тяжелый день?

- Может быть. Никогда не знаю, что меня ждет.

Он взял такси. Это был знак. Обычно он пользовался автобусом или метро.

Фотографии ждали его на письменном столе, и были они неожиданно четкими. Мегрэ взял по одной и направился в другой конец коридора, где находился кабинет Перетти. Перетти был начальником отдела светской жизни и единственным, кто носил на пальце кольцо с желтым бриллиантом, как будто люди, с которыми ему было положено встречаться, оказывали на него свое влияние.

Это был красивый, еще не старый человек, с очень черными волосами, одевался он достаточно броско.

- Привет! Давненько я тебя не видел!

Это была правда. Кабинеты у них располагались в одном и том же коридоре, но виделись они редко, и чаще всего в пивной "У дофина".

- Предполагаю, что эта особа тебе неизвестна.

Перетти принялся изучать увеличенный портрет Натали и подошел к окну, чтобы получше его рассмотреть.

- Не жена ли это нотариуса, чью фотографию вчера опубликовали газеты, только моложе?

- Да, это она лет пятнадцать назад. А вот она с мужем несколькими неделями или месяцами позже.

Перетти так же внимательно изучил каннскую фотографию.

- Ни об одном, ни о другом ничего не могу сказать.

- Так я и думал. Но это не все. Я попросил своих людей составить мне список всех ночных заведений Парижа. Вот его копия. Есть ли среди них одно или не одно, где бы оставался тот же хозяин, что и пятнадцать лет назад? Особенно меня интересует восьмой округ и его окрестности.

Перетти проштудировал список.

- Большинство этих кабаре тогда не существовало. Мода меняется. Было время, когда ночная жизнь была сосредоточена на Монмартре. Потом - Сен-Жермен де Пре.

Минутку... "Балдахин", улица Понтье. Он был уже тогда, и там до сих пор заправляет один миленький прохвост, которого никогда нечем было попрекнуть.

- Больше нет?

- Еще "У мадемуазель". Авеню Великой Армии. Очень шикарное заведение, держит его женщина, Бланш Боннар. Ей, наверное, за пятьдесят, но она не сдастся. У нее еще одно кабаре на Монмартре, на улице Фонтен, оно попроще - "Сладкая дрожь".

- Знаешь, где она живет?

- У нее собственная квартира на авеню Ваграм, и, судя по всему, обошлась она ей в кругленькую сумму.

- Я оставлю тебе список. У меня есть еще экземпляры. Если тебе случайно что-нибудь придет в голову... Да, я забыл спросить, где живет хозяин "Балдахина"?

- Марсель Ленуар? В том же доме, что и его кабаре, на четвертом или пятом этаже. Я как-то проводил у него обыск в надежде найти там наркотики.

- Спасибо, старина.

- Как твое дело?

- Так себе.

Мегрэ вернулся к себе в кабинет. Как обычно по утрам, он отправился с докладом и, глядя на своего начальника, сидевшего в кресле, подумал, что сам мог бы сидеть в нем через месяц.

- Ну, что с этой историей с нотариусом, Мегрэ? Начальники других служб уже были там, каждый со своим досье.

- Нисколько не продвинулась. Собираю сведения, которые, может быть, пригодятся или не пригодятся никогда...

Мегрэ отправил в газеты увеличенную фотографию Натали с подписью:

"Г-жа Сабен-Левек в двадцать лет".

Затем он поднялся в архив, чтобы выяснить, есть ли карточка на ее имя или на имя Трики. Ничего не было. Сведений о судимости не было, и она никогда ни по какому поводу не привлекалась к суду.

- Отвезешь меня на улицу Понтье?

За шофера у него всегда был Лапуэнт или Жанвье, потому что сам Мегрэ никогда не садился за руль. Машину он недавно купил, чтобы в субботу вечером или в воскресенье утром отправляться в свой маленький домик в Мен-сюр-Луар, но вела ее г-жа Мегрэ.

- Что-нибудь новенькое, шеф?

- Поедем повидаться с владельцем одного ночного заведения. Он держал его еще двадцать лет назад.

Жалюзи на окнах кабаре были опущены, но рядом с дверью были выставлены большие фотографии почти обнаженных женщин.

Они вошли через главный вход. Привратница отправила их на четвертый этаж, дверь слева. Открыла им невысокая служанка, одетая с сомнительной опрятностью.

- Месье Лемуар? Не знаю, сможет ли он принять вас. Он только что встал и сейчас завтракает.

- Скажите ему, что комиссар Мегрэ...

Мгновение спустя Лемуар уже встречал посетителей в коридоре. Был он огромным, очень толстым и выглядел тоже достаточно неопрятно. На полинявшую пижаму был надет старый бордовый халат.

- Чем обязан честью?

- Дело не в чести. Продолжайте завтракать.

- Мне неловко принимать вас так.

Лемуар был старым прохвостом, который двадцать пять лет назад содержал публичный дом. Теперь ему было лет шестьдесят, а поскольку был он небрит и еще заспан, то выглядел старше.

- Не пройдете ли сюда...

Квартира выглядела столь же неряшливо, как и ее хозяин, - беспорядок царил повсюду. Они вошли в небольшую столовую, окно которой выходило на улицу.

От яйца всмятку осталась только скорлупка, и Лемуар разбил верхушку второго.

- По утрам мне необходимо прийти в себя... Он потягивал черный кофе, а в пепельнице лежали окурки сигарет.

- Ну, так вы что-то говорили?..

- Я покажу вам одну фотографию, а вы мне скажете, напоминает ли она вам кого-нибудь.

Мегрэ протянул ему увеличенный портрет Натали.

- Пожалуй, это лицо мне знакомо. Как ее зовут?

- В то время-пятнадцать лет назад - она называла себя Трика.

- У всех у них мания выбирать прозвища как можно смешнее. Трика!

- Вы ее узнаете?

- По правде сказать, нет.

- Ее имя не может оказаться где-нибудь в ваших книгах?

Ел Лемуар неопрятно: подбородок и отворот халата были запачканы желтком.

- Вы что думаете, я записываю имена всех девок, что прошли через мое кабаре? Эти бабы - они то есть, то их нет. Многие из них выходят замуж, и можно только удивляться, какие удачные устраивают себе браки. У меня была одна, так она стала герцогиней в Англии.

- У вас и фотографий их нет?

- Почти все забирают их у меня, когда уходят. Ну а другие я рву и швыряю в корзину.

- Благодарю вас, Лемуар.

- Было очень приятно...

Ленуар поднялся с набитым ртом и проводил их до лестничной площадки.

- На авеню Ваграм, тридцать один.

Это был большой буржуазный дом, где среди прочих проживали два врача, дантист и специалист по составлению налоговых деклараций.

- Вы от кого? - спросила служанка, одетая как театральная субретка.

- Я Мегрэ.

- Полицейский?

- Да.

Бланш Боннар была занята не завтраком, а телефонным разговором. Было слышно, как она говорит в одной из комнат:

- Да... Да... Дорогой мой, не могу я просто так брать на себя обязательства. Мне необходимы более точные сведения, необходимо связаться с моим архитектором... Да... Нет, не знаю, сколько мне на это потребуется времени... Я увижу тебя сегодня вечером в кабаре? Как хочешь... Вуе... <Сокращение "вуге-вуге" - до свидания (англ.)>.

Она вышла к ним навстречу, и звук ее шагов заглушался дорожкой, которая закрывала повсюду разноцветные ковры. Бланш Боннар долго разглядывала Мегрэ, обратив внимание на Лапуэнта только ради приличия.

- Вам повезло, что я уже встала. Обычно я поднимаюсь с постели поздно, но сегодня у меня свидание с моим поверенным. Проходите.

Гостиная была мягкой, слишком мягкой на вкус Мегрэ. Хозяйке, как и Ленуару, наверное, перевалило за пятьдесят, но она не думала сдаваться, что было заметно, даже когда она была в утреннем туалете. Она была хорошо сложена и, несмотря на свою толщину, не выглядела отталкивающей, а глаза у нее были и вовсе красивы.

- Дело Сабен-Левека, не так ли? Я ждала вас со дня на день, но не предполагала, что вы докопаетесь так быстро.

Она закурила сигарету с золоченым фильтром.

- Можете курить. Это не мешает даже моему попугаю... Когда я вчера увидела в газетах фотографию, я сразу смекнула, что к чему, и удостоверилась, что не ошиблась.

- Вы знали госпожу Сабен-Левек, когда она называла себя Трикой?

- Еще бы!

Она встала, прошла в другую комнату и вернулась с громадным альбомом.

- Память у меня не очень хорошая, поэтому я все храню. У меня пять таких альбомов, набитых фотографиями. Держите.

Она протянула Мегрэ раскрытый альбом. На странице справа была приклеена одна из тех фотографий, что делают в кабаре.

Это была действительно Натали, еще молоденькая, наивная и непосредственная. На ней было платье с глубоким декольте, в вырезе которого была видна грудь.

Рядом с ней, слегка нагнувшись, Сабен-Левек. На столике - ведро для шампанского и бутылка.

- Познакомилась она с ним здесь. Она уже месяца два была танцоркой.

- Знаете, откуда она приехала?

- Да. Из Ниццы, где работала в довольно неприглядном кабаре.

- Она была с вами откровенна?

- Все они со мной откровенны. Большинство из них одиноки, довериться некому. Тогда они и обращаются к мамаше Бланш. Могу я вам предложить что-нибудь выпить? Сама я много не пью, но в это время обычно выпиваю рюмочку портвейна.

Портвейн был первоклассный, такой Мегрэ редко приходилось пробовать.

- Фамилия ее была Фрасье, и отец у нее умер, когда ей было лет пятнадцать. Он был бухгалтером или что-то в этом роде. Мать была дочерью русской княгини, и Натали старалась, чтобы это было известно. Видите, несмотря ни на что, я кое-что помню.

В моем кабаре она всегда сидела за одним и тем же столиком. На клиентов прежде всего производили впечатление ее молодость и наивность.

Они и подходили-то к ней с некоторой нерешительностью. Она улыбалась им, очаровательная, но недоступная.

Редко соглашалась с кем-нибудь пойти. Мне даже кажется, что и раз трех не наберется.

- У нее не было постоянного любовника?

- Нет. Жила она одна в гостиничной комнатухе недалеко отсюда, на улице Бре. Мне она очень нравилась, но вместе с тем я не могла полностью понять ее.

Однажды вечером появился Сабен-Левек. Вернее господин Шарль: мы знали его под этим именем. Он уже заходил как-то, много раньше. Ему нравились женщины милые и спокойные, и он сию же минуту заметил Трику. Он подошел и сел к ней за столик. Наверное, пригласил ее пойти с ним, и она отказалась.

Целую неделю он приходил каждый вечер, и только тогда она согласилась пойти с ним. Вещи ее остались в кабаре: два платья, нижнее белье, разные мелочи.

Через несколько дней она за ними зашла.

- Большая любовь? - спросила я ее. Она взглянула на меня и не ответила.

- Он снял тебе квартиру?

- Еще ничего не ясно...

Она расцеловала меня в обе щеки со словами благодарности, и больше я ее не видела.

Однако двумя месяцами позже в "Фигаро" появилась фотография. Трика была в подвенечном платье, а муж ее в визитке. "Г-н Жерар Сабен-Левек, небезызвестный нотариус с бульвара Сен-Жермен, женился сегодня утром..."

Мегрэ и Лапуэнт переглянулись. Что надо думать об этой истории?

Девчушка из Кемпера, танцовка из сомнительного кабаре в Ницце, потом из кабаре "У мадемуазель" становится женой одного из самых известных и богатых нотариусов Парижа.

Отец Жерара, человек с принципами, в ту пору был еще жив. Что он сказал об этом союзе? И как ладили между собой эти трое, которые занимали один и тот же этаж?

Уже спустя три месяца Жерар, по своему обыкновению, снова стал время от времени пропадать на несколько дней.

Пила ли уже в это время Натали? И проводила ли она большую часть времени на своей половине?

Шли годы, и пила она все больше. Нотариус отказался от супружеской жизни. Они стали если уж не врагами, то посторонними.

- Теперь она свободна. Свободна и богата. Это внушает вам беспокойство, не так ли, господин комиссар?

- Газеты умолчали кое о чем. Сабен-Левека раз десять, по крайней мере, ударили по голове чем-то тяжелым, и череп его развалился на мелкие кусочки.

- Вы думаете, женщина могла это сделать?

- Женщины при некоторых обстоятельствах могут быть так же сильны, как мужчины, если не сильнее. Если предположить, что она пошла на преступление, то где оно могло быть совершено? В их квартире? Потеря крови огромная. Остались бы следы, а она достаточно умна, чтобы не понять этого.

Каким образом потом перевезти тело к Сене? Как перенести его в машину и запихать туда?

- Действительно... Может быть, убийца - какой-нибудь хулиган, который встретил его на пустынной улице?

- Бумажник не тронули, а в нем больше полутора тысяч франков.

- Месть?

- С чьей стороны?

- Со стороны любовника. Любовника одной из тех женщин, которых он уводил из ночных заведений...

- Люди подобного сорта не ревнуют к клиентам, которые платят. Самое большее на что кто-нибудь из них мог решиться, это попытаться его шантажировать.

Мегрэ еще раз взглянул на юную пару, снятую перед бутылкой шампанского, и допил рюмку портвейна.

- Еще?

- Нет, спасибо, хотя вино отменное. Некоторые подробности прошлой жизни Натали стали ясны Мегрэ, но что они давали ему?

Обедал Мегрэ дома, что удивило г-жу Мегрэ, но присутствовал он в этот день дома или нет, не имело никакого значения. Муж ее был по-прежнему замкнут, по-прежнему хмур.

Обычно он смаковал тушеное мясо с овощами под чесночным соусом, а сейчас даже не замечал, что именно ест.

- Большую чашку кофе.

Это означало, что он просит хорошую трехсотграммовую чашку, из которой пьет кофе по утрам. Он заглянул в газеты, где было помещено интервью с привратником и одним из служащих нотариальной конторы.

Вопросы были заданы и Вито, но ответы на них могли привести в уныние.

Вернувшись к себе в кабинет, Мегрэ обнаружил доклад о прослушивании телефонных разговоров.

С того момента, как линия была поставлена на прослушивание, Натали не звонила ни разу, но в то же самое утро позвонили ей; разговор был чрезвычайно краток:

- Это ты?

- Да.

- Мне необходимо тебя увидеть.

Не дослушав, ничего не ответив, она повесила трубку. По всей видимости, с другого аппарата, но с той же самой линии, кухарка звонила мяснику и заказала ему телятину для жаркого, за которой чуть позже отправился Вито.

На контору же, наоборот, обрушился поток телефонных звонков от более или менее взволнованных клиентов. Лекюер старался их успокоить и давал требуемые справки.

Мегрэ поднялся к судебному следователю, которому, по правде сказать, мало что мог сообщить. Славный следователь Куэнде не спешил. Сидя за письменным столом, он неторопливо курил старую трубку, пробегая дело глазами.

- Присаживайтесь, Мегрэ.

- Мне почти нечего вам сообщить. Вы, наверное, получили материалы вскрытия.

- Да, сегодня утром. Убийца не сможет утверждать, что убийство не было преднамеренным. Вам не приходит в голову, где оно могло быть совершено?

- Пока что нет. Специалисты из отдела идентификации занимаются изучением мельчайших швов на одежде и обуви. Принимая во внимание время, которое тело пробыло в воде, мало надежд, что это что-нибудь даст.

Мегрэ передал кiset с табаком следователю и сам раскурил только что набитую трубку.

- Есть только одно направление, где я чего-то добился. Госпожа Сабен-Левек утверждает, что когда она встретила нотариуса, она была секретаршей у адвоката на улице Риволи. Однако выяснено, что этот адвокат умер десять лет назад. Таким образом, опровергнуть ее невозможно.

В одном из ящиков письменного стола убитого, где лежали кое-какие снимки, я нашел маленькую фотографию, на которой снята очень молоденькая Натали, а на обороте написано имя: Трика. Это, конечно, прозвище. Зная вкусы нотариуса, я предпринял розыски в кабаре и выяснил, что она была танцовкой, а не секретаршей. Я даже узнал, в каком заведении она повстречала Сабен-Левека.

Следователь оставался по-прежнему рассеян, взгляд его был устремлен на дымок, поднимающийся от трубки.

- Ей случалось возвращаться в подобные заведения? - негромко поинтересовался он.

- Насколько я знаю, нет. Став госпожой Сабен-Левек, она не должна была испытывать ничего, кроме презрения, к той среде, где чувствовала себя униженной.

Сегодня утром ей позвонили. Голос был мужской, но выяснить, откуда звонили, не хватило времени. Мужчина сказал: "Мне необходимо тебя увидеть".

Не ответив, она повесила трубку. У меня создается впечатление, что она знает много больше, чем говорит. Вот почему я извожу ее. Я собираюсь снова посетить ее без определенного повода.

Оба еще какое-то время молча курили, потом пожали друг другу руки, и Мегрэ возвратился к себе в кабинет.

Зайдя в соседнюю комнату, он спросил Жанвье:

- Кто дежурит на бульваре Сен-Жермен?

- Инспектор Барон.

Повернувшись к Лапуэнту, который ждал от него какого-нибудь знака, комиссар проворчал:

- Я отправлюсь туда один. Попробую. Это произведет на нее меньшее впечатление, и, может быть...

Мегрэ не закончил фразы и махнул рукой, что должно было означать: он не очень-то в это верит.

Комиссар взял такси, которое остановил перед домом. По противоположной стороне бульвара взад и вперед вышагивал мужчина, и Мегрэ подошел к нему.

- Она не вышла?

- Нет. Ничего не заметил. Дом покидал только шофер на "фиате", и, мне кажется, ездил он за покупками, поскольку очень скоро вернулся.

Привратник был настолько славным человеком, настолько гордился возможностью пожать Мегрэ руку, что тот зашел к нему поздороваться.

- Она, судя по всему, не появлялась?

- Нет. Все, кто заходил, шли к врачу на четвертый этаж.

- Вы здесь уже сколько лет?

- Шестнадцать. У меня побаливают ноги, и я не смог работать в дорожной полиции.

- Сабен-Левек был еще в ту пору холостяком?

- Он женился через полгода после моего появления.
- Ему еще случалось пропадать по несколько дней?
- Всего раза два-три в последние недели перед свадьбой.
- Отец его был еще жив?
- Да. Красивый был мужчина, выглядел как настоящий нотариус. Лицо у него было молодое, а волосы совершенно белые.

- Он хорошо ладил с сыном?
- Думаю, что отец им не очень гордился, но притерпелся...

Мегрэ поднялся на второй этаж, позвонил.

Открыла ему горничная Клер, вид у нее был насмешливый.

- Мадам Сабен-Левек нет дома.

- Вы в этом уверены?

- Да.

- В котором часу она вышла из дома?

- Около двух часов дня.

Было десять минут четвертого.

- Она воспользовалась какой-нибудь машиной?

- Не думаю.

Насколько Мегрэ знал Барона, от слежки его ничего не могло отвлечь.

Да и привратник должен был заметить выходящую Натали.

Мегрэ вошел и закрыл за собой дверь.

- Что вы собираетесь делать?

- Ничего. Оставьте меня в покое. Если боитесь, что сопру что-нибудь, не спускайте с меня глаз.

Начал комиссар с левого крыла, обошел комнаты, которые занимала Натали. Взял даже на себя труд заглянуть в платяные шкафы, что заставило Клер улыбнуться.

- Неужели вы думаете, что она могла спрятаться в шкафу?

- Это место ничем не хуже других.

- Чтобы прятаться, нужно иметь хоть какую-нибудь причину.

- Нужно иметь хоть какую-нибудь причину и для того, чтобы не воспользоваться парадным ходом.

Мегрэ разгуливал по гостиной, поочередно вглядывался в суровые лица, смотревшие с портретов предков, и думал о той жизни, которую вел их потомок. Не вели ли они себя так же, если отрешиться от портретов?

- Где черный ход?

- Придется уж вам сказать: это секрет на весь свет.

- Через двор?

- Нет. Справа от лифта есть маленькая застекленная дверь. Она ведет на коротенькую лестницу, выходящую в сад. Пройдя через него, упираешься в дверь, которая находится в стене ограды. Она выходит прямо на улицу Сен-Симона.

- И дверь эта не запирается?

- Запирается. Так как господин и госпожа Сабен-Левек являются владельцами сада, ключ у них.

- Где лежит этот ключ?

- Не знаю.

Это уже становилось интересно. Кто владел этим ключом, Жерар или его жена? И если хозяином его был он, когда она ключ забрала у мужа?

Мегрэ прошел в небольшой кабинет нотариуса и уселся в удобное кожаное кресло.

- Вы собираетесь здесь надолго обосноваться?

- До возвращения вашей хозяйки.

- Она будет недовольна.

- Почему?

- Потому что ваше присутствие в доме, когда ее нет, не предусмотрено.

- Вы ей очень преданны, не правда ли?

- Почему мне не быть ей преданной?

- Она к вам хорошо относится?

- Она бывает очень противной, несправедливой, агрессивной, но я на нее не обижаюсь.

- Вы считаете, что она не отвечает за свои поступки?

- В такие моменты - да.

- Думаете, она больна?

- Что же ей делать, если алкоголь стал для нее единственным прибежищем?

- Если бы она попросила вас солгать ради нее, пойти на лжесвидетельство, вы бы согласились?

- Конечно.

- Должно быть, малоприятно, когда она блюет вечером в кровати?

- Сиделкам приходится видеть и не такое.

Мегрэ показалось, что он слышит шум у входной двери. Тем не менее он не двинулся с места, а горничная, судя по всему, ничего не услышала.

- Что вы скажете, если я начну кричать и буду утверждать, что вы хотели меня изнасиловать?

Комиссар не мог удержаться от смеха.

- Стоит попробовать. Ну-ка давайте!

Она пожала плечами и удалилась в направлении большой гостиной и другого крыла квартиры. Больше она не появилась - навстречу Мегрэ нетвердой походкой двигалась через гостиную Натали.

Она была мертвенно-бледна, на лице с черными кругами под глазами, как рана, пламенел накрашенный рот. Она чуть не упала, переступая через порог, и Мегрэ встал, чтобы помочь ей.

- Кто вам сказал...

Она тряхнула головой, словно хотела стереть только что произнесенные слова.

- Нажмите кнопку, что рядом с дверью гостиной. Мегрэ повиновался. Эта кнопка, наверное, была звонком в людскую.

- Жарко.

Не вставая с места, она сняла коричневую твидовую куртку.

- Ну а вам, конечно, не жарко?

- Сейчас нет. Вы наверняка слишком быстро шли.

- Откуда вы знаете, что я шла?

- Оттуда. Вы знаете: я найду шофера вашего такси и узнаю также, куда вы ездили.

Натали смотрела на него в настоящем оцепенении. Казалось, она не в себе.

- Вы умный... Но злой.

Комиссару редко приходилось видеть женщину в таком отчаянии, в таком душераздирающем состоянии. Клер знала, зачем ее позвали, потому что принесла поднос с бутылкой коньяка, рюмку и пачку сигарет. Она сама налила рюмку, протянув ее своей хозяйке, которая чуть не опрокинула поднос.

- Я вам не предлагаю, верно? Вы еще не алкоголик. Она с трудом произнесла это слово и тут же повторила его.

- Ваш врач никогда не советовал вам полечиться?

- Этот-то! Если бы я его слушала, я уже давно была бы в психиатрической лечебнице. Это было бы только-только на руку моему мужу.

Видите, как непредсказуема жизнь.

Она неожиданно замолчала, как будто потеряла мысль.

- Непредсказуема... непредсказуема... - повторила она, потерянно озираясь. - Ах да... Жизнь... Это мой муж умер, а я жива.

Она осмотрелась, повернулась к большой гостиной. На лице ее вдруг отразилось нечто вроде удовлетворения. Потом она выпила рюмку. Потом сказала совсем не весело:

- Все - мое.

Мегрэ ждал, что она вот-вот рухнет на пол, она же, и будучи пьяной, сохраняла тем не менее какое-то чувство реальности.

- Я никогда не бывала здесь.

Теперь она рассматривала стены кабинета.

- Он приходил сюда только почитать.

- Название "У мадемуазель" вам что-нибудь говорит?

Она вздрогнула, и взгляд ее обрел прежнюю твердость.

- Что вы сказали?

- Мадам Бланш, хозяйка кабаре "У мадемуазель"...

- Как вы об этом узнали?

- Какая разница? В моем распоряжении превосходная фотография, на которой вы с Жераром пьете шампанское. Это было до вашей свадьбы.

Она застыла, готовая дать отпор.

- Секретаршей вы никогда не были. Работали, между прочим, в третьесортном кабаре в Ницце, где полагалось удаляться с клиентами наверх.

- Сволочь вы, комиссар!

И она залпом выпила свою рюмку:

- Теперь я - госпожа Сабен-Левек.

Мегрэ поправил:

- Вдова Сабен-Левек.

Грудь Натали порывисто вздымалась.

- Я не подозреваю вас в убийстве мужа. Несмотря на всю свою энергию, вы физически не могли это сделать. Если, конечно, ваш сообщник...

- В тот вечер я даже не выходила из дома.

- Восемнадцатого февраля?

- Да.

- Вы помните этот день?

- Это вы мне сказали, какое было число.

- Кто звонил вам сегодня утром?

- Понятия не имею.

- Кому-то нужно было обязательно видеть вас, и он сообщил вам, что это необходимо.

- Наверняка ошиблись номером.

- Подозревая, что линия прослушивается, вы повесили трубку, но как бы случайно вышли из дома сегодня днем. Воспользовались вы не парадным выходом, а калиткой в саду. Кстати, у кого из вас двоих был от нее ключ?

- У меня.

- Почему?

- Потому что он никогда не выходил в сад, а я, случалось, сидела там летом. Я прятала ключ в углубление стены.

- И вы им пользовались для чего?

- Ну, чтобы сходить напротив за сигаретами. И даже чтобы пропустить рюмку у стойки. Там вам подтвердят. Я ведь известная в округе пьяница, разве не так?

- Куда вы ходили сегодня после обеда?

- Гуляла.

- И куда вас привела ваша прогулка?

- Даже не знаю. Кажется, в какой-то бар.

- Нет.

Она пошатнулась, и Мегрэ в конце концов стало ее жаль.

Он встал.

- Я сейчас позову вашу горничную, и она уложит вас в постель.

- Я не хочу в постель.

Ее, казалось, пугала такая перспектива. Натали находилась в состоянии ужаса, вывести ее из которого было невозможно.

- Тем не менее я отпускаю вас.

- Нет. Оставайтесь тут. Я предпочитаю, чтобы вы уж лучше были тут. Вы что-нибудь смыслите в медицине?

- Ничего.

- Дайте вашу руку.

Она приложила его руку к своей груди: сердце билось сильно и быстро.

- Вам не кажется, что я могу умереть?

- Нет. Как зовут вашего врача?

- Его я тоже не хочу видеть. Он упрячет меня в больницу. Это очень злой человек. Он друг Жерара.

Мегрэ перелистал справочник и нашел фамилию врача, который жил в двух шагах отсюда, на Лилльской улице, и его телефон.

- Алло... Доктор Блуа?... Это комиссар Мегрэ... Я у госпожи Сабен-Левек... Она очень неважно себя чувствует, и мне кажется, ей было бы необходимо вас увидеть.

- Вы уверены, что она не разыгрывает комедию?

- Это уже не раз случалось?

- Да Если, конечно, она не напилась до полусмерти.

- Сегодня, скорее, это...

- Сейчас буду.

- Он опять будет делать мне укол, - ныла Натали. - Он мне их всегда делает, когда приходит. Это кретин, который думает, что он хитрее всех на свете... Не уходите. Не оставляйте меня с ним одну. Это злой человек.

На свете так много злых людей, а я совершенно одна. Понимаете, совершенно одна...

Она начала плакать, не вытирая бежавших из глаз слез. Из носу у нее потекло.

- У вас есть платок?

Она отрицательно покачала головой, и Мегрэ, как ребенку, протянул ей свой.

- Только не позволяйте ему отправить меня в больницу. Я не хочу туда ни за что на свете.

Помешать ей пить было невозможно. Она внезапно хваталась за рюмку, и уже через мгновение та была пуста.

Раздался звонок в дверь, потом Клер ввела очень высокого мужчину атлетического сложения, который, как позже стало известно Мегрэ, когда-то играл в регби.

- Счастлив с вами познакомиться, - проговорил он, пожимая комиссару руку.

Он равнодушно взглянул на Натали, которая, застыв, с ужасом смотрела на него.

- Ну что, как всегда? Пойдемте к вам в комнату. Она попробовала сопротивляться, но он взял ее за руку, не выпуская из другой свой саквояж.

- Господин Мегрэ, не разрешайте отправить меня...

Клер шла за ними следом. Комиссар не мог придумать, чем ему заняться, и в конце концов уселся в кресло в большой гостиной, через которую должен был пройти врач.

Все произошло значительно быстрее, чем он предполагал. Доктор вышел - на лице его было написано такое же равнодушие.

- Это, по крайней мере, в сотый раз, - проговорил он. - Ее место - в лечебнице, во всяком случае, надолго.

- Она уже была такой, когда Сабен женился на ней?

- Не в такой мере Но она привыкла пить и не могла без этого. Сначала была история с собакой, которая ее терроризировала, и пес действительно показывал клыки всякий раз, стоило ей только подойти к нему или к Жерару. Она выставила за дверь шофера и проделывала это не один раз, так же меняла и горничных...

- Думаете, она сумасшедшая?

- Так сказать нельзя. Скорее неврастеничка. Столько пить...

Врач то и дело перескакивал с одного на другое.

- Вы уже выяснили, кто убил беднягу Жерара? Мои родители живут тут давно, и мы играли вместе с ним в Люксембургском саду. Потом встретились в лицее, были студентами... Таких людей на свете не бывает...

Не прерывая разговора, они спустились по лестнице и еще какое-то время разговаривали на улице.

Мегрэ шел вдоль набережных Сены, рассеянно глядя на воду: трубка во рту, руки в карманах, настроение, судя по всему, у него было скверное.

Он не мог отделаться от угрызений совести. Он вел себя с Натали жестоко, почти безжалостно, а ведь он не испытывал к ней никакой враждебности.

Особенно сегодня. Она была растеряна, не в силах доиграть до конца свою роль, и вдруг не выдержала. Он хорошо знал, что это не было спектаклем: силы Натали оказались на исходе. Да и он, по совести говоря, неплохо справился со своими обязанностями, и если был жесток, то лишь из уверенности, что это необходимо.

Да и врач, который знал ее не первый год, был с ней не более мягок.

Теперь, после укола, она спала глубоким сном. Но когда проснется?

В огромной квартире не было никого, кроме горничной Клер Марель, на чью преданность она могла рассчитывать. И так продолжалось пятнадцать лет. Кухарка Мари Жалон, на руках у которой практически вырос Жерар Сабен-Левек, всегда считала ее самозванкой. Дворецкий Оноре с отвращением взирал на нескончаемую череду бутылок. Была еще уборщица, которая приходила по утрам, некая мадам Ренге; видел ее комиссар только мельком и подозревал, что она тоже принадлежит к клану Жерара.

Нотариус был одним из тех людей, кто всю жизнь сохраняет в себе нечто ребячливое, и ему из-за этого все прощается. От ребенка в нем сохранился присущий детям эгоизм и одновременно какая-то душевная чистота.

Еще до свадьбы он начал вести ту жизнь, к которой вынужден был вернуться вскоре после нее. В принадлежавшей ему нотариальной конторе он был блудным сыном, которому всегда сопутствовала удача. И когда его брала охота, он становился вечером г-ном Шарлем.

Он был известен почти во всех кабаках на Елисейских полях и по соседству. На этот счет удалось выяснить кое-что любопытное. Его не смогли припомнить ни в Сен-Жермен де Пре, ни на Монмартре. Он выходил на охоту, если можно так выразиться, только в определенном районе-самом элегантно, самом снобистском.

Стоило ему появиться, как швейцары в галунах выражали ему свое уважение, здороваясь с известной фамильярностью: "Добрый вечер, господин Шарль"...

И добрую половину ночи он оставался г-ном Шарлем, вечно молодым человеком, который всем улыбается и раздает крупные чаевые.

Танцовки, со своей стороны, наблюдали за ним, спрашивая себя, не наступил ли их черед. Иногда он лишь выпивал с одной из них бутылку шампанского. В другой раз уводил ее с собой, и хозяин не смел этому противиться.

Счастливым человеком. Человек без проблем. Он не посещал людей своего круга. Его нельзя было увидеть в гостиных. Ему нравилась доступность профессионалок, и когда ему случалось провести у одной из них несколько дней, он с удовольствием помогал ей по хозяйству. Он наверняка не хотел жениться. Он не испытывал необходимости видеть в квартире женщину.

Тем не менее он женился на Натали. Предстала ли она перед ним как воплощение нежности и покорности, не говоря уж о женской слабости?

Возможно. На фотографии для паспорта у нее был трогательный вид юной, легко ранимой девушки.

Она приняла его покровительство. Сумела убедить, что он сильный...

Замуж она выходила в белом, как настоящая девица, а попав в дом на бульваре Сен-Жермен, пришла в восхищение. В Канне большая вилла во вкусе 1900 года тоже показалась ей раем, и она даже решила переносить присутствие собаки, которая скалила на нее зубы.

Что послужило поводом к разрыву?

Дни напролет Натали оставалась одна в огромной квартире. Свекор ее и Жерар были внизу, каждый в своем кабинете, а обеды проходили как-то натянуто. Клер у нее тогда еще не было, а для горничной она была просто женой хозяина.

Постепенно Натали ожесточилась. Для начала она потребовала от мужа избавиться от собаки, и он нехотя согласился. Вечерами им было нечего сказать друг другу. Книг она не читала. Только смотрела телевизор.

Спали они еще вместе, хотя настоящей близости между ними не возникло.

И в один прекрасный день Жерар, ничего не говоря, вышел из дома и отправился в район площади Звезды, чтобы вновь выступить в роли г-на Шарля.

Таков был его истинный характер, в этом он был как ребенок. Удадь переполняла его. Все его ждали, все ему были рады.

Она-то думала стать центром дома, а стала его бесполезным украшением.

Ее терпели. О разводе он не заговаривал, но у них уже были отдельные комнаты, и Натали одна томила в постели, вновь и вновь припоминая свои обиды.

Было не холодно. Солнце медленно клонилось к западу, и Мегрэ никуда не торопился. Два раза он столкнулся с прохожими, шагавшими в противоположном направлении.

Поскольку Натали была танцовщицей, пить она уже привыкла в меру или не очень. Оставаясь одна в квартире, пить она начала больше, чтобы забыться.

Был ли Мегрэ прав? Просто он таким образом восстанавливал прошлое.

Чем больше она пила, тем дальше муж уходил от нее. Свекор умер. У Жерара появились дополнительные заботы, и у него все чаще возникала необходимость расслабиться.

Они сумели выдержать пятнадцать лет - и тот, и другая. Именно это и изумляло Мегрэ. В течение пятнадцати лет, не произнося ни слова, встречались они в комнатах, где по-настоящему никто не жил. Кончилось тем, что она не смогла больше видеть перед собой мужа за обедом.

Натали стала посторонней, и ей повезло, что появилась Клер, ставшая ее единственной союзницей.

Почему она не уходила? Почему терпела это существование?

После обеда она отправлялась в кино. По крайней мере, говорила, что туда идет. Время от времени заставляла шофера отвезти ее в какой-нибудь бар на Елисейских полях, где пила в одиночестве, сидя на высоком табурете.

Бармены сами наполняли ей рюмку, когда она пустела. Ни с кем Натали не заговаривала. Никто не заговаривал с ней. Для других она была "пьющей женщиной".

Удалось ли ей в конце концов встретить мужчину, которому она стала нужна, кто дал ей понять, что она что-то значит?

До сих пор расследование не давало оснований для таких предположений.

По утверждению Вито, она всегда выходила из баров одна, не очень твердо держась на ногах.

Теперь Натали стала вдовой. Квартира, контора, состояние принадлежали ей, но не слишком ли поздно? Пила она больше, чем когда-либо. Чего-то боялась. Казалось, жизнь, реальность пугают ее.

Куда она ходила, когда вышла через садовую калитку? И кто звонил ей утром?

У нее было сложно отличить правду от лжи. Искусная актриса, она в несколько минут могла превратиться в светскую даму, чтобы предстать перед журналистами и фотоаппаратами.

Мегрэ перешел Новый мост и заглянул в пивную "У дофина".

- Пастис, как давеча?

- Нет. Коньяку.

Это был вызов. Он решил поступать, как она. Пить коньяк. И первый же глоток обжег ему горло. Тем не менее, прежде чем отправиться в уголовную полицию, он заказал еще рюмку.

На письменном столе его ждала та же папка с делом, которую он уже изучал со своим коллегой из отдела светской жизни.

Мегрэ взял ее и отнес в инспекторскую. В комнате в это время находилось человек двадцать.

- Мне понадобятся десять инспекторов, те, кто меньше всего похож на полицейских.

У одних на лицах появились улыбки, другие поджали губы.

- Вот список всех кабаре и ночных заведений Парижа. Сен-Жермен-де-Пре и Монмартром можете не заниматься. Работайте только в восьмом округе и рядом.

Он протянул Люкасу список и дюжину каннских фотографий.

- Скрывать, где вы служите, не надо, но избегайте привлекать к себе внимание. Каждому из вас вручат фотографию и определенное количество адресов. Отправляйтесь туда ближе к полуночи. Расспрашивайте бармена, если удастся - хозяина, метрдотеля и танцорок. Запомните число - восемнадцатое февраля. Запомните также имя: господин Шарль. Я забыл: есть еще продавщицы цветов, которые ходят из одного заведения в другое.

Знаю, что чудес не бывает, но мне хотелось бы выяснить, не видел ли кто-нибудь господина Шарля восемнадцатого февраля.

Он передал папку Люкасу и, по-прежнему озабоченный, вернулся к себе в кабинет.

Наверное, он искал иголку в стоге сена, но бывает, что люди вспоминают какое-то число в связи с днем рождения, случайным событием.

Лапуэнт пошел за ним.

- Разрешите, шеф?.. Я хотел бы обратить ваше внимание на один телефонный звонок, на который позволил себе ответить в ваше отсутствие...

Звонили из муниципального совета. Из Пюто сообщили, что постовым полицейским, которого заинтересовало, что черная машина марки "ДС" уже несколько дней стоит около пустыря, представлено донесение.

Кажется, на сиденье рядом с шофером или, вернее, на спинке сиденья есть пятна крови.

- Кому принадлежит машина?

- Некому Даннери из министерства путей сообщения, он живет на улице Ла-Боэси.

- Когда у него была украдена машина?

- Это-то и интересно: восемнадцатого февраля. Он заявил о краже в свой комиссариат. Никто и не вспомнил об этом пустынном уголке в Пюто.

- Номера поменяли?

- Даже не меняли. Поэтому сразу и установили владельца.

- Где находится машина?

- Я попросил комиссара полиции в Пюто, чтобы ее не трогали и выставили постового.

Наконец-то материальная улика! Конечно, совсем крохотная, но случайно может куда-нибудь привести.

- Соедини меня с доктором Гренье. Только бы он не был занят на вскрытии!

- Гренье?.. Это Мегрэ. Вы мне нужны.

- Сейчас?

- Как можно быстрее.

- Еще один труп?

- Нет. Но похоже, машина, на которой привезли труп.

- Куда мне надо идти?

- Сюда. Я точно не знаю, где она находится. Мы заедем в комиссариат в Пюто, там - в курсе дела.

- Идет. Дайте мне четверть часа. Потом Мегрэ позвонил Мерсу в отдел идентификации.

- Мне нужны твои специалисты, которые занимаются нотариусом.

- Они тут. Куда им ехать?

- В комиссариат Пюто, там им скажут, где стоит машина.

За всем этим Мегрэ стал понемногу забывать, что сегодня ему выпал тяжелый денек. Он посадил в машину доктора Гренье, Лапуэнт сел за руль и повез их в Пюто, что в это время суток было делом непростым.

- Редко вы к нам заглядываете, господин начальник...

- Может быть, кто-нибудь из ваших покажет нам, где машина, которую только что обнаружили?

- Это нетрудно.

Мегрэ отдал распоряжение постовому полицейскому, который не без труда втиснулся в машину.

- Это совсем рядом. Перед строительной площадкой. Там сносят старую халупу, чтобы на ее месте построить блочный дом...

Машину покрывал слой пыли. С нее сняли резину и фары. Постовой вышагивал назад и вперед, а к Мегрэ бросился мужчина лет пятидесяти.

- Видите, в каком они виде мне ее оставили?

- Вы хозяин машины?

- Жорж Даннери, инженер министерства путей сообщения...

- Где была украдена машина?

- Прямо у дома. Мы с женой обедали и собирались поехать в кино в Латинском квартале. Автомобиль исчез. Я побежал в комиссариат... Кто мне оплатит новую резину, фары и ремонт?

- Вам надо будет обратиться в соответствующую службу.

- А какая служба - соответствующая? Несколько раздосадованный, Мегрэ признался:

- Понятия не имею.

Машина была обита внутри серой тканью, в которую впиталась кровь; судебно-медицинский эксперт вытащил из сумки маленькие пузырьки и погрузился в свою непростую работу.

Люди из отдела идентификации искали отпечатки пальцев на руле, переключателе скоростей, тормозе, а также дверцах.

- Что-нибудь есть?

- Прекрасные отпечатки на руле. Остальные вб такие четкие. Кто-то курил "Жиган" - полная пепельница этих окурков.

- А убитый?

- Здесь ничего. Кровь на спинке сиденья.

- И кусочки мозга, - вмешался в разговор врач. - Именно такие следы должны были остаться, если здесь находился человек, которому я делал вскрытие.

Они педантично проработали еще час. Собралась группка любопытных, и два постовых из Пюто не давали им приблизиться.

Машина, загнанная под строительные леса, где в это время никто не работал, была видна только наполовину.

Г-н Даннери переходил от одного к другому: он нервничал и занимало его только одно-кто оплатит ему ремонт.

- Вы застрахованы от кражи?

- Да, но компании никогда не платят всю сумму. А я не собираюсь выкладывать деньги из собственного кармана. Если бы в Париже на улицах лучше следили за порядком, такого не могло бы случиться.

- Ключи вы оставили в машине?

- Мне не могло прийти в голову, что ими кто-нибудь воспользуется...

Надо менять всю обивку... Я даже не могу ответить себе, согласится ли моя жена сесть в машину, в которой перевозили труп.

Люди из отдела идентификации обнаружили несколько шерстяных ниток, которые могли быть из твидового пиджака.

- Продолжайте в том же духе, ребята. Постарайтесь представить мне первое заключение, пусть даже неполное, завтра утром.

- Попробуем, шеф.

- С моей стороны задержек не будет, - проговорил судебно-медицинский эксперт. - Простой анализ крови. Я позвоню вам домой сегодня вечером.

Лапуэнт высадил комиссара у его дома. Г-жа Мегрэ встретила мужа у двери и, нахмурившись, взглянула на него.

- Не очень устал?

- Очень.

- Твое дело двигается?

- Кто знает...

Как никогда сумрачный, он, казалось, даже не замечал, что ест. После обеда поглубже устроился в кресле, раскурил трубку и уставился в телевизор.

Он думал о Натали.

Мегрэ дремал в кресле, когда тишину, окутывавшую его, разорвал резкий телефонный звонок. Горела только лампа. Телевизор был выключен. В трех шагах от него г-жа Мегрэ шила, устроившись на стуле.

В кресло она никогда не садилась, утверждая, что чувствует себя в нем как в тюрьме.

Тяжело ступая, он подошел к телефону.

- Комиссар Мегрэ?

- Да, я...

Наверное, говорил он невнятно, потому что на другом конце провода спросили:

- Я вас разбудил?

- Нет. Кто у аппарата? Голос был ему незнаком.

- Доктор Блуа. Я на бульваре Сен-Жермен, здесь госпожа Сабен-Левек только что пыталась покончить с собой.

- Она в тяжелом состоянии?

- Нет. Я подумал, что вам захочется повидаться с ней прежде, чем я сделаю ей более сильный укол.

- Сейчас буду. Спасибо, что позвонили. Жена уже протягивала ему пиджак, снимала с вешалки пальто.

- Надеюсь, ты ненадолго?

- Вызови мне такси.

Пока она звонила по телефону, он набил трубку и налил себе стопочку сливянки. Он был взволнован. Это г-жа Мегрэ видела прекрасно. Конечно, ему не доставало сведений о том, что произошло, но определенную ответственность за случившееся он не собирался с себя снимать.

Мегрэ поцеловал жену. Она проводила его до двери и открыла ее.

Облокотившись на перила, она провожала его взглядом, и, спускаясь, он помахал ей рукой.

Спустя две минуты перед домом остановилось такси. Мегрэ еще собирался назвать адрес, куда ехать, как шофер хитро спросил:

- Набережная Орфевр?

- Нет. В следующий раз. Бульвар Сен-Жермен, дом двести семь "а".

На светящихся уличных часах Мегрэ увидел, что было двадцать минут одиннадцатого. Значит, сам того не заметив, он проспал около двух часов.

Расплатившись с таксистом, Мегрэ позвонил у входной двери, и бывший полицейский открыл ему.

- Не знаю, что именно произошло, но врач там, наверху.

- Он только что звонил мне.

Мегрэ взбежал по лестнице, перешагивая сразу через две ступеньки, и Клер Марель открыла ему дверь.

Доктор Блуа ждал его в небольшом кабинете Жерара Сабен-Левека.

- Она в постели?

- Да.

- Состояние вызывает тревогу?

- Нет. К счастью, горничная раньше работала у врача и сразу же, даже прежде, чем позвонила мне, наложила жгут выше запястья.

- Мне казалось, что после укола она должна была проспать до завтрашнего утра, если не больше...

- Именно так и должно было случиться. Не понимаю, как она могла проснуться, встать, начать бродить по квартире. Горничная, чтобы не оставлять ее одну, поставила себе раскладушку в будуаре. Проснулась она как от удара и увидела хозяйку, которая шла мимо нее как привидение - это ее собственные слова - или лунатичка.

Она прошла через большую гостиную, через столовую. Вошла на половину мужа...

- Что вы делаете, мадам? Вставать нельзя ни в коем случае. Вы слышали, что сказал доктор.

Рот у нее был сведен в улыбку, которая больше походила на гримасу.

- Ты храбрая девочка, Клер.

Не забывайте, что в этот момент свет был погашен всюду, кроме будуара. Сцена, должно быть, была впечатляющая, но девушка сумела сохранить хладнокровие.

- Дай мне выпить...

- Не думаю, что мне следует это делать.

- В таком случае я сама схожу за бутылкой.

Клер решила, что лучше даст ей выпить сама. Она уложила хозяйку, потом позвонила мне. Я играл с друзьями в бридж. Бросился сюда. Рана глубокая, и мне пришлось наложить три зажима.

Она ничего не сказала. Смотрит в одну точку, на лице ничего не отражается, разве что равнодушие.

- Она знает, что вы мне звонили? - спросил Мегрэ.

- Нет. Я звонил из кабинета. Я подумал, что вы, может быть, захотите поговорить с ней прежде, чем я введу ей большую дозу снотворного.

- У этой женщины потрясающе крепкий организм.

- Я зайду к ней.

Мегрэ снова прошел через комнаты, вошел в будуар, где стояла складная кровать, на которой еще сохранилось углубление от лежавшего на ней тела.

- Видите, что вы наделали? - спросила у него Клер. Она не сердилась, но голос у нее был грустный.

- Как она?

- Лежит неподвижно, смотрит в потолок и не отвечает, когда я с ней заговариваю. Я вас только прошу - будьте с ней гуманны.

Мегрэ чувствовал себя неловко, входя в спальню. На простыне, которая закрывала Натали до подбородка, покоилась ее забинтованная рука.

- Я так и знала, что вас попросят приехать. Голос был усталый.

- Я действительно хотела умереть. Это единственный выход из положения, правда?

- Из какого положения?

- Из того, что жизнь для меня потеряла всякий смысл.

Эти слова удивили комиссара: казалось, они противоречат действительности. К мужу она не испытывала ни малейшей любви, даже намека на дружеские чувства.

Значит, муж никак не мог быть для нее смыслом жизни.

- Я знаю, что вы только исполняли свои обязанности, но вы были жестоки...

- Вам нечего мне сказать? Она помолчала.

- Передайте мне бутылку. Когда доктор сделает мне укол, будет слишком поздно.

Мегрэ колебался, но взял с комода бутылку.

- Рюмку не надо. У меня слишком трясется рука, и я ее опрокину.

Она стала пить из горлышка: печальное зрелище в комнате, где все изысканно и шикарно.

Натали чуть не уронила бутылку, и комиссар еле успел ее подхватить.

- Что вы со мной сделаете?

Отдавала ли она себе отчет в том, что делает? Ее слова, произносимые глухим, тусклым голосом, можно было истолковать по-разному.

- Чего вы ждете?

- Ничего. Мне больше нечего ждать. Я больше не хочу оставаться одна в этом большом доме.

- Это теперь ваш дом. Рот у нее снова перекосялся.

- Да. Мой. Весь - мой.

В этих словах была горькая ирония.

- Кто мог предсказать мне такое, когда я была маленькой танцовкой, правда?

Мегрэ молчал, трубку он так и забыл вынуть изо рта.

- Я - госпожа Сабен-Левек!

Она хотела засмеяться, но у нее вырвалось что-то похожее на рыдание.

- Теперь вы можете меня оставить. Обещаю, что не буду больше пытаться покончить счеты с жизнью. Отправляйтесь к жене. Вы-то ведь - не один!

Натали немного повернула голову и посмотрела на него.

- Вы выбрали себе грязную работу, но это, наверное, не ваша вина.

- Постарайтесь провести спокойную ночь.
- Не бойтесь. На этот раз доктор Блуа увеличит дозу, и только Богу известно, когда я проснусь.
- Спокойной ночи, сударыня.

Мегрэ вышел на цыпочках, почти так, как выходят из комнаты, где лежит покойник. Клер дожидалась его в будуаре.

- Она разговаривала с вами?
- Да.
- В чем-нибудь призналась?
- Нет. Доктор все еще в кабинете?
- Наверное. Мегрэ пошел к нему.
- Теперь ваша очередь. Я вас здесь подожду.

Мегрэ набил трубку и опустился в кресло. Через несколько минут в комнату вошла Клер. Казалось, комиссар стал ей менее ненавистен.

- Почему вы держитесь с ней так сурово?
- Потому что уверен: она знает, кто убил ее мужа.
- У вас есть доказательства?
- Нет, доказательств у меня нет. Будь они у меня, я уже арестовал бы ее.

Странно, но девушка не протестовала.

- Она несчастная женщина.
- Я это знаю.
- В доме, кроме меня, ее все ненавидят.
- И это я тоже знаю.
- Можно подумать, что, когда на ней женился месье Жерар, она заняла чье-то место.
- Вы когда-нибудь сопровождали ее, когда она выходила из дома?
- Нет.
- Знаете, куда она ходит?
- В кино.
- Вы находили у нее в сумке или в карманах билеты в кино?

Было ясно, что Клер никогда об этом не думала. После некоторого размышления, она в конце концов ответила:

- Нет.
- Она тратила много денег?
- Месье Жерар давал ей все, что она захочет. Она говорила, чтобы я приготовила ту или иную сумочку и положила туда столько-то денег.
- А сколько, например?
- То несколько сотен франков, то - две-три тысячи... - Клер закусила губу. - Я не должна была вам это говорить.
- Почему?
- Вы это лучше меня знаете... В магазинах она почти ничего не покупала. Приглашала поставщиков сюда. Сама ходила только к парикмахеру.

В кабинете появился врач и объявил, обращаясь к горничной:

- На этот раз, думаю, вы можете спать спокойно. Я ввел ей дозу, которая применяется при лечении сном.

Не удивляйтесь, что завтра утром она не проснется. Я зайду около полудня.

- Спасибо, доктор.

Клер вышла, а доктор сел, скрестив ноги.

- Она не сказала вам ничего интересного? В том состоянии, в котором она находится, бывает, говорят больше, чем было бы нужно.

- Она спросила меня, между прочим, что я собираюсь с ней делать.

- Она только что спросила меня о том же.

- Думаю, ей многое известно о смерти своего мужа.

- Во всяком случае, она изо всех сил что-то скрывает. Это и привело ее в состояние, в котором она находится. Удивительно, что у нее не началась истерика.

- Она попросила у меня выпить и была так настойчива, что я передал ей бутылку.

- Правильно сделали. В том состоянии, в котором она находится...

- Что ее ждет с медицинской точки зрения?

- Она будет все больше терять контроль над собой.

- Вы хотите сказать, что ее ждет безумие?

- Я не психиатр. Через день-два я как раз собирался показать ее психиатру. Во всяком случае, если она будет пить, как пила, долго она не протянет. Оставлять ее здесь, где нет специального оборудования по уходу, нельзя. Ее нужно поместить в клинику. Не обязательно в психиатрическую. Можно устроить так, чтобы ее лишили выпивки и предоставили необходимый отдых.

Врач вздохнул.

- Не люблю я заниматься такими пациентами. Кстати, вы знаете, когда похороны?

- Я не посмел ее об этом спросить.

- Думаете, она захочет торжественную панихиду?

- Этим, наверное, займется старший клерк. Она не в состоянии.

- Чем спокойнее будет дома, тем лучше для нее. Я не видел траурного катафалка ни в прихожей, ни в большой гостиной.

Оба встали, вышли на улицу и распрощались. Мегрэ вернулся домой и лег. Спал он плохо, его мучили кошмары. Когда жена, протягивая чашку кофе, разбудила его, он чувствовал себя разбитым, как после тяжелой физической работы.

Мегрэ позвонил на службу:

- Лапуэнт... Еще не пришел?

- Только что появился.

- Дай мне его, Люкас.

- Слушаю, шеф, - раздался голос Лапуэнта.

- Заезжай за мной. Но прежде всего, успокойся: ничего нового.

Мегрэ принял ванну, побрился, оделся и проглотил две таблетки аспирина, потому что голова у него раскалывалась. К завтраку он почти не притронулся.

- Вот уж я порадуюсь, когда закончится это дело, - проворчала г-жа Мегрэ. - Ты принимаешь его слишком близко к сердцу: кончится тем, что сам заболеешь.

Он угрюмо взглянул на нее и попытался улыбнуться.

- Газеты почти замолчали об этом деле. Почему?

- Потому что сказать пока нечего. Лапуэнта он увидел за рулем небольшого автомобиля и сел рядом.

- На столе у меня что-нибудь есть?

- Заключение экспертизы. Шерстяные нитки, найденные в машине, соответствуют ткани на пиджаке потерпевшего...

- Люди, которых я отправил по кабаре?

- Господин Шарль известен почти всюду и слыл шикарным малым.

- Восемнадцатое число?

- Ни один бармен, метрдотель или танцорка не вспоминают именно этот вечер. Правда, может быть, Жамен кое-что обнаружил. Он говорил со старухой цветочницей, которая обслуживает ночные заведения в квартале.

Для нее восемнадцатое февраля день не простой-это день рождения ее дочери. Она утверждает, что господин Шарль, который всегда покупал у нее цветы, был в тот вечер в кабаре "Крик-крак" на улице Клемана Маро.

- Больше она ничего не сказала?

- Он был вместе с Зоэ, которой подарил красные гвоздики.

- Адрес старухи есть?

- Жамен его записал. Она хочет прийти лично к вам, потому что некогда встречала вас, когда вы работали в службе охраны порядка.

Они подъехали к воротам, которые уже стали Мегрэ знакомыми.

- Мне вас подождать?

- Нет. Пойдешь со мной.

Мегрэ на ходу поздоровался с привратником и вошел в переднюю нотариальной конторы. Дежурная пропустила его, и, пройдя через кабинет нотариуса, Мегрэ вошел в кабинет к Лекюеру. Тот закончил диктовать, знаком попросил секретаршу удалиться, поднялся и пожал Мегрэ руку.

- Кажется, она пыталась покончить с собой и ночью приходил врач?

- Ничего серьезного. Она спит.

- Как по-вашему, почему она это сделала?

- Знай я это, все было бы быстро закончено. Как у вас с нотариальной стороной дела?

- Завещание будет вскрыто сегодня в три часа дня. Я, в общем, знаком с ним, поскольку подписывал его в качестве свидетеля. Госпожа Сабен-Левек наследует состояние, виллу в Канне и доход от конторы. Что будет со мной - решит нотариальная коллегия, согласно воле хозяина, контора действительно должна перейти ко мне.

- Есть еще один вопрос, который требует срочного разрешения, похороны.

- Могу вам сообщить, что у Сабен-Левек есть семейный склеп на кладбище Монпарнас.

- С этим решено. Думаю, что будет не слишком прилично отвезти гроб на кладбище, забрав его в Институте судебной медицины. Госпожа Сабен не в состоянии этим заниматься. Да и катафалка я тоже не вижу в квартире на втором этаже.

- Почему не установить его в конторе?

- Я думал об этом же. Вы сможете заняться всем необходимым?

- Я немедленно позвоню в похоронное бюро. Извещения о смерти, наверное, необходимо разослать всем клиентам?

- Я тоже так думаю. И уведомление о смерти в газетах. Кстати, журналисты вам не досаждали?

- Понабежала целая дюжина, вопросы они задавали нескромные, и я их выставил. Двое даже спросили, какой цифрой определяется состояние нотариуса.

- Держите меня в курсе всего, что касается похорон, но госпожу Сабен-Левек пусть не беспокоят.

- Ее не будет в церкви?

- Не думаю. Как скажет врач.

Раз уж он находился в доме, Мегрэ, которого по-прежнему сопровождал Лапуэнт, поднялся наверх. Открыла ему Клер.

- У меня были кое-какие дела внизу, и мне захотелось узнать, все ли в порядке.

- Она спит.

- Ей звонили?

- Нет. Только какой-то журналист, требовавший встречи; он очень рассердился, когда услышал, что это невозможно.

Было видно, что Клер устала. Выспаться ей, наверное, не удалось.

- Отвези меня на улицу Клемана-Маро...

Только для того, чтобы оживить в памяти картину. Ночью улица была почти пустынна. Фасад кабаре был разрисован, а дверь полуоткрыта.

Две уборщицы подметали пол, усыпанный конфетти и серпантином. Стены были затянуты разноцветной материей.

- Что вы хотите? Если вы ищете месье Феликса, то его здесь нет.

- Кто такой месье Феликс?

- Бармен.

Вошел уверенно держащийся мужчина.

- Смотрите-ка, комиссар!.. Здесь у нас вчера вечером был один из ваших инспекторов.

- Какого вы мнения о Луизе?

- Раньше она была панельной проституткой и, если так можно выразиться, никогда не покидала своего квартала. С годами ей пришлось менять профессию. Теперь она продает цветы в ночных заведениях.

- Ей можно доверять?

- В каком смысле?

- Не слишком ли богатое у нее воображение? Верить тому, что она говорит?

- Без сомнения. Секреты она тоже хранить умеет. У большинства этих девиц они имеются, и она их все знает.

- Благодарю вас.

- Почему вы ею интересуетесь?

- Потому что она уверяет, что видела господина Шарля здесь, с девицей, ночью восемнадцатого февраля.

- Почему она помнит число?

- Кажется, это день рождения ее дочери.

- Тогда это правда.

До набережных Сены отсюда было недалеко, а ж речному причалу вел лестничный спуск.

Во время завтрака в пивной на площади Дофины Мегрэ не сказал Лапуэнту и двух слов. Хмурым назвать комиссара было нельзя, но он был налит какой-то тяжестью-состояние, которое Лапуэнт хорошо знал.

Чувствовалось, что он углублен в себя, захвачен собственными мыслями.

Когда они появились на набережной Орфевр, в застекленном зале ожидания сидела старая женщина, и Мегрэ сначала не узнал ее. Она же его узнала и улыбнулась через стекло.

Это была старая Луиза, как ее теперь называли. Он познакомился с ней, когда она была молодой и бедовой, одной из самых красивых панельных проституток на Елисейских полях.

Мегрэ пригласил ее к себе в кабинет, снял пальто и шляпу.

- Подумать только, комиссар, как бежит время! Вы тогда были совсем молоденьким, и однажды, когда меня прихватили, я уж было совсем подумала, что вы не упустите случая.

- Присаживайтесь, Луиза.

- Подумать только, какой путь вы прошли! Заметьте, я тоже не сдаюсь.

А моя дочь, которая, правда, воспитывалась в деревне у славных людей, которым я ее доверила, теперь жена инкассатора Лионского кредита... <Один из крупнейших банков Франции> У нее трое детей, так что я трижды бабушка. Из-за нее-то, из-за ее дня рождения, я и помню так хорошо восемнадцатое февраля.

Прежде всего, метрах в ста от "Крик-Крака" стоял черный автомобиль, в котором сидел мужчина. Потом, в кабаре, я увидела господина Шарля, который был вместе с Зоей, симпатичной, в общем, милашкой. Когда я выходила, машина все еще стояла, а за рулем по-прежнему сидел мужчина, который курил сигарету. В темноте она светилась, как маленькая точка...

- Вы не можете его описать?

- Было слишком темно. Я пошла дальше. У меня свои привычки, и клиентов своих я знаю. Вернулась я около трех. Машины больше не было.

Господина Шарля тоже, а Зоя сидела в обществе эдакого верзилы американца.

- Больше вы ничего не знаете?

- Я пришла только потому, что мне захотелось вас снова увидеть.

Мужчины - счастливики: они стареют не так быстро, как мы.

Раздался телефонный звонок, и Мегрэ снял трубку.

- Это я... Да... Что?.. Убитый мужчина на улице Жана Гужона?.. Убит пятью выстрелами в грудь?.. Сейчас буду... Дайте знать в прокуратуру и сообщите следователю Куэнде... - И, обращаясь к торговке цветами, закончил:

- Спасибо, что пришли. Мне нужно уходить.

- Я не в обиде: я же повидала вас. Мне этого достаточно.

И прежде чем выйти, она робко протянула комиссару руку.

- Лапуэнт! Снова в путь.

Улица Жана Гужона расположена по крайней мере метрах в ста от Сены.

Охрану несли двое полицейских, которые почтительно приветствовали комиссара.

- Это на последнем этаже.

Они сели в лифт. Дверь одной из квартир была приоткрыта, и Мегрэ пожал руку комиссару, который был, по всей видимости, из новеньких, так как Мегрэ его не знал.

- Нас вызвала привратница. Она, как обычно, поднялась прибраться в квартире. Когда поняла, что жилец не отвечает, воспользовалась своим ключом и обнаружила тело.

На ковре лежал высокий, довольно молодой мужчина, лет тридцати, над которым склонился врач.

Назвать это помещение квартирой было бы не совсем правильно. Вся стена со стороны улицы и часть потолка были застеклены, как в мастерских у художников...

- Установили, кто это?

- Джо Фазио. Приехал из Марсея несколько лет назад. Был сначала сутенером, потом устроился барменом в довольно подозрительном ночном заведении под названием "Ле Парео". Года два назад ушел оттуда, и с тех пор источники его существования неизвестны...

Врач выпрямился, пожал руку Мегрэ.

- Это любопытно. Он убит из оружия мелкого калибра выстрелами в упор, я сказал бы даже, что пистолет приставили ему к груди. Насколько могу судить, две пули заделали левое легкое, а третья попала в сердце.

На лице убитого было написано изумление. Насколько можно было судить, он был хорош собой. На нем был элегантный коричневый костюм из почти сверкающего габардина.

- Оружие не нашли?

- Нет.

Прибыли со своей громоздкой аппаратурой люди из отдела идентификации.

Потом наступила очередь человека неопределенного возраста, товарища прокурора; комиссара он не любил, но тем не менее пожал ему руку.

Что касается судебного следователя Куэнде, тот был удивлен.

- Как случилось, что вы попросили известить меня? Думаете, это преступление как-нибудь связано с делом нотариуса?

- Такая возможность существует. Чего-то подобного я ожидал. Вчерашний уход Натали через садовую калитку должен был преследовать какую-то цель.

Мегрэ повернулся к Лапуэнту:

- Идем?

Народу было слишком много. Он вернется, когда эксперты и сотрудники прокуратуры покинут место происшествия.

Мегрэ вместе с инспектором вошел в привратницкую. Привратница оказалась невысокой, энергичной брюнеткой.

- Давно этот Фазио живет наверху?

- Два года. Жилец был хороший, спокойный, регулярно платил за квартиру. Так как он был один, он попросил меня у него прибираться, и я каждый день в двенадцать поднималась к нему.

- Он бывал у себя, когда вы приходили?

- Чаще всего нет, так как завтракал в ресторане. Я не всегда видела, как он уходит: у меня много дел. Жильцы входят и выходят, и я не обращаю на это внимания.

- Гости у него бывали?

- Нет. Только одна дама...

И это слово она произнесла с уважением.

- Каждый день?

- Почти каждый.

- В котором часу?

- Часа в три дня.

- Они приходили вместе?

- Нет. Первым - он.

- Опишите ее.

- Настоящая дама, сразу видно. Зимой носила меховое манто, их у нее было, по крайней мере, три. Летом чаще всего была в костюме, и костюмы были от первоклассных портных. Я в этом кое-что смыслю.

- Лицо?

- Трудно сказать...

Рыжий кот терся о ноги Мегрэ.

- Молодая?

- Ни молодая, ни старая. Ее можно было бы назвать хорошенькой. И она наверняка была хорошенькой... Я дала бы ей лет сорок, только лицо очень уж потасканное.

- Что вы имеете в виду, когда говорите "потасканное"?

- У нее почти всегда были круги под глазами, лицо осунувшееся, и губы сложены в такую странную гримасу.

- Она с вами заговаривала?

- Нет. Сразу поднималась наверх.

- Она приходила надолго?

- Уходила часов в пять - полшестого.

- Приезжала на машине?

- Нет Я заметила, что приезжала она на такси, но выходила из него на углу, чтобы нельзя было узнать, куда она направляется.

Мегрэ вытащил из кармана каннскую фотографию и протянул ее привратнице, которая отправилась за очками в соседнюю комнату.

- Узнаете ее?

- Не совсем. Эта молоденькая, и рот не такой. Но лицо похоже.

Комиссар протянул ей маленькую фотографию для паспорта.

- А эта?

- Уже лучше. Если учесть двадцать лет разницы - Тем не менее вы ее узнаете?

- Кажется, узнаю.

Перед привратницей прошел комиссар полиции. Мегрэ бросился за ним.

- Врач сумел извлечь пули?

- Это дело судебно-медицинского эксперта - он еще не приехал. Мне кажется, одну пулю нашли она срикошетила от ребра.

- Сходишь за ней, Лапуэнт, ладно?

И, поблагодарив комиссара полиции, Мегрэ вернулся к привратнице.

- Ваш жилец работал?

- Не думаю. Если не считать обеденного времени, он выходил из дому когда вздумается.

- Вечером возвращался поздно?

- Наверное, я ничего не должна скрывать от вас?

- Так лучше для вас, потому что вы будете в числе свидетелей.

- Кроме трехчасовой дамы, как я ее называла, у него была подружка, значительно моложе и красивее. Приходила она чаще всего часа в два-три ночи, одна щш вместе с ним, и оставалась там до утра Однажды я слышала, как он называл ее Жеральдиной.

Мегрэ был непроницаем. Казалось, он ни о чем не думает.

- Где она живет, не знаете?

- Нет. Она, наверное, работает неподалеку, потому что возвращались они всегда пешком.

Лапуэнт принес сверху пулю Мегрэ поблагодарил привратницу и вышел.

- Куда теперь?

- К Гастор-Ренету.

Это был оружейник, который обычно работал экспертом в уголовной полиции. Служащий, находившийся в магазине, отправился за хозяином.

- Ба, да это Мегрэ!

Знакомы они были лет двадцать с лишним.

Комиссар протянул ему пулю.

- Можете приблизительно сказать, из какого оружия был произведен выстрел этой пулей?

Гастор-Ренет, как и привратница, надел очки.

- Знаете, это нельзя назвать экспертизой. Мне нужно было бы побольше времени. Речь, конечно, идет о мелком калибре, что-нибудь вроде браунинга шесть тридцать пять, какие выпускаются в Бельгии. Существуют модели с перламутровой рукояткой. Одной клиентке я продал такую модель, инкрустированную золотом.

- Оружие опасно?

- Только с короткого расстояния. После трех метров кучность теряется.

- Врач предполагает, что выстрелы были произведены из пистолета, дуло которого уперлось в грудь.

- В этом случае, конечно... Сколько выстрелов?..

- Три или четыре: один в сердце, два задела правое легкое.

- Стреляли наверняка, чтобы убить. Кто жертва?

- Некий Джо Фазио, бывший бармен, который стал жиголо <Здесь - молодой человек, живущий на содержании у богатой женщины>.

- Рад был снова повидать вас. Пулю я оставляю?

- Я скажу судебно-медицинскому эксперту, чтобы он отправил вам остальные.

- Спасибо. И счастливой охоты! Эта шутка не рассмешила Мегрэ, и он принужденно улыбнулся.

На первом этаже люди из похоронного бюро приводили контору в подобающий скорбному моменту вид, драпируя стены черной материей. Гроб стоял в углу, как будто было неизвестно, что с ним делать.

- Гроб с телом?

- Естественно.

Жан Лекюер вышел из своего кабинета.

- Похороны состоятся завтра в одиннадцать, - объявил он. - Церковь почти напротив.

Извещения разосланы. Вы думаете, госпожа Сабен-Левек будет присутствовать на отпевании?

- Уверен, что нет.

- Так, конечно, было бы лучше. Как она себя чувствует? Я совершенно ничего не знаю, что происходит наверху.

- Доктор Блуа собирался зайти ближе к полудню. Я сейчас поднимусь туда...

На лестнице Мегрэ попросил Лапуэнта:

- Постарайся записать все, что будет сказано.

- Хорошо, шеф. Дверь им открыл лакей.

- Где Клер?

- Наверное, в будуаре.

Между тем она уже шла им навстречу.

- Спит? - спросил Мегрэ.

- Нет. Сидит в ночной рубашке на краю постели и с тех пор, как ушел врач, не произносит ни слова. Ванну принять отказалась и не разрешила себя причесать.

- Что вам сказал врач?

- Почти ничего. Наблюдать за ней.

- Она ела?

- Нет. Она только качает головой мне в ответ.

- А сами вы завтракали?

- Я не смогла. Мне кажется, что я присутствую при агонии. Что происходит, комиссар? Судя по всему, гроб принесли вниз...

- Верно. Мне бы очень хотелось, прежде чем я к ней пойду, чтобы вы, если сможете, надели на нее халат.

- Я, конечно, попробую...

Клер больше не проявляла к нему враждебности. Чувствовалось, что она растеряна. Двое мужчин расположились в гостиной, где ждать им пришлось долго. Приблизительно минут через пятнадцать горничная пришла за ними.

- Она в будуаре. Я была вынуждена дать ей ее бутылку.

Мегрэ вошел первым. Натали, как обычно, устроилась в глубоком кресле, в руке она держала бутылку коньяка. Взгляд у нее был решительный, на лице, однако, было написано почти спокойствие.

- Разрешите?

Она сделала вид, что не слышит, и Мегрэ уселся напротив нее. Она гладила бутылку, словно это самое дорогое, что у нее было.

- Я - с улицы Жана Гужона, - тихо произнес Мегрэ, как будто боялся ее напугать.

Натали наконец раскрыла рот и равнодушно произнесла только одно слово:

- Уже!

После чего глотнула из бутылки, как уже проделывала прежде на глазах у комиссара. Ее бледные щеки слегка порозовели, рот начал подергиваться.

- Предполагаю, что это больше не имеет значения, не так ли?

- Вы боялись, что, если его задержат, он выдаст вас как свою сообщницу, так?

Она отрицательно покачала головой.

- Нет, хуже. Он заставил меня прийти к нему вчера только для того, чтобы потребовать очень большую сумму денег, обещая, что затем он оставит меня в покое и вернется в Марсель.

- Вы любили его?

Она ничего не ответила, а в ее взгляде застыло глубокое отчаяние.

- Почему, если вы любили его, вы взяли с собой оружие?

Это, казалось, придало ей мужества.

- Я никогда не питала иллюзий на его счет. Он был моей последней надеждой. Вы, значит, ничего не поняли?

Она попыталась зажечь сигарету, но не сумела - так у нее дрожали руки. Мегрэ наклонился и протянул ей зажженную спичку. Она не поблагодарила.

- Вы всегда были горячкой, правда?

Она поправила его глухим голосом:

- Я гордая. Вернее, была гордая. Теперь... - Фразу она не кончила.

- Вы чувствовали себя униженной, работая в кабаре, и чувствовали бы себя еще более униженной за прилавком магазина.

Она слушала его. Как только речь заходила о ней, Натали становилось интересно.

- Сабен-Левек влюбился в вас. Вам не потребовалось много времени, чтобы выяснить, кто такой господин Шарль...

Она не шелохнулась, напряжение по-прежнему не покидало ее.

- Вы надеялись на шикарную и блестящую жизнь, на коктейли, приемы, обеды.

- Вскоре я поняла, что это был самый большой эгоист, какого я встречала.

- Потому что он не предоставил вам первого места?

Это, казалось, удивило ее, а Мегрэ продолжал:

- Он был в доме всем, а вы-ничем. Взгляд ее стал безжалостен.

- Меня все презирали, кроме Клер.

- Почему вы не потребовали развода?

Она повела глазами вокруг себя, и взгляд ее охватывал всю квартиру, весь дом, все состояние семьи Сабен-Левек.

- Потому что вы были жадны. Для вас не имело большого значения, что муж время от времени исчезает, отправляясь на поиски хорошеньких девиц.

Вы были госпожой Сабен-Левек. И вам надо было ею остаться любой ценой.

Она отпила глоток. Прodelывала она это машинально.

- Вашим прибежищем стал коньяк. Предполагаю, что любовники у вас тоже были?

- Интрижки. Мужчины, с которыми я встречалась в барах.

Теперь, когда она сдалась, Натали и не думала защищаться. Казалось даже, что ей доставляет удовольствие выставлять напоказ свою подноготную.

- Гостиничные номера... Некоторые ошибались и пробовали давать мне деньги... Она поджала губы.

- Два года назад вы встретили Джо Фазио.

- Это другое. Я любила его...

- Он был барменом.

- Я сняла ему студию и содержала его. И это опять был вызов, который она цинично бросала Мегрэ.

- В состоянии, до которого я дошла, я не могу надеяться, что меня будут любить просто так. Он делал вид, что любит, а я делала вид, что верю.

- Кто предложил избавиться от вашего мужа?

- Думаю, эта мысль пришла нам обоим.

- Фазио установил, какие ночные заведения посещает так называемый господин Шарль. Много раз он следовал за ним, выжидая благоприятного стечения обстоятельств.

Она пожала плечами. Это же настолько очевидно!

- Однажды ночью, когда ваш муж вышел из "Крик-крака", Джо Фазио воспользовался тем, что улица была пуста и убил его. Он запихал его в украденную машину и привез на берег Сены. Машину он потом бросил на строительной площадке в Пюто.

- Подобными деталями я не занималась.
- Затем он позвонил вам и сообщил, что дело сделано?
- Да.
- Какую жизнь могли бы вы вести с вашим экс-барменом?
- Я об этом не думала.
- Признайтесь, вы заставили убить вашего мужа не из-за чувств к любовнику?
- Не знаю.
- Вы хотели остаться госпожой Сабен-Левек. Отныне вы становились полновластной хозяйкой дома.

- Вы ведь плохо обо мне думаете, правда?
- Да. Но в то же время я не могу себя заставить не испытывать к вам чувства жалости, потому что вы одновременно хрупки и тверды.
- Я хрупкая? - усмехнулась она. И Мегрэ повторил:
- Да, хрупкая.
- Вы меня, конечно, увезете?
- Это мой долг. Идите оденьтесь. Проследи за ней, Лапуэнт: у меня нет ни малейшего желания, чтобы она еще раз воспользовалась садовой калиткой.

Мегрэ медленно набил трубку, раскурил ее и начал мерить шагами комнату.

Ждать ему пришлось почти полчаса. Когда Натали вернулась, сопровождала ее Клер, которая несла чемодан из свиной кожи.

Прежде чем выйти на лестницу, Натали снова приложилась к бутылке, от которой долго не могла оторваться.

- Полагаю, там мне этого не дадут?

Было ясно, что она будет осуждена. Но, учитывая ее расстроенные нервы, отправят ее, по всей видимости, в больницу.

Дверь нотариальной конторы была открыта. Обойщики закончили возиться с драпировками. Она сделала два шага и увидела гроб.

Лицо ее осталось невозмутимо.

- Он там?

- Да. Завтра его хоронят.

- Меня - сегодня.

Чемодан был положен в багажник, и комиссар уселся рядом со своей пленницей. Она смотрела на набережные, мосты, прохожих, автобусы и машины, как будто все это принадлежало уже далекому прошлому.

Когда они прибыли во Дворец правосудия, Лапуэнт взял чемодан, который был для Натали слишком тяжел. Мегрэ постучал в дверь следователя Куэнде.

- Она ваша, - проговорил он дрогнувшим голосом.

Комиссар взглянул на арестованную. Но он уже перестал существовать для нее. Она уселась напротив следователя еще до того, как тот пригласил ее войти, и, судя по всему, чувствовала себя совсем неплохо.

<http://book.zehinli.info>

1972 г.